4-4
Soc 1-857
1936г. №2-10

2020146824

№ 403/К
А 2552
Рос 4-4
1-857

КАЗАКИЯ

ДОНСКОЙ АРХИВЪ

Центральный Государственный архив Октябрьской Революции и соц. стр-ва СССР
Ф. № 7030 оп. № 3 Д. № 2153

2(8)
1936

СОДЕРЖАНИЕ:

1. ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ.

Отдел публицистический:

2. Др. С. А. ФЕДОРОВ: Казачья Нация (продолжение).
3. ШАМБА БАЛИНОВ: Некот. факты из междунар. жиз. за истекший год.
4. ИВАН БЕЗУГЛОВ: Политический обзор.
5. САНЖА БАЛЫКОВ: Аргументы логики и действительности.
6. ЗАПОРОЖЕЦ: О важном.
7. ХУРУМЧЕ АМАРКАНОВ: Исторический акт Т. Г. Масарика.

Отдел исторических материалов:

8. Проф. Ф. А. ЩЕРБИНА: Пережитое, передуманное и осуществленное (продолж.).
9. Д. КНЯЗЕВ: Казаку (стихотворение).
10. НИК. ГУЛЫЙ: Восстание казаков на Таман. полуостр. в мае 1918 г. (оконч).
11. РАСПОРЯЖЕНИЕ по Вольно-Казачьему Округу в Болгарии.
12. А. ТАВЛИНЦЕВ: Памяти И. И. Томаревского и Скарбная весть.
13. ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВ: Лабинская — Пятигорск (окончание).
14. Г. М. КИРЕЕВ: К истории восстания верхнедонцов весною 1919 г. (оконч.).
15. ОКРУЖНОМУ Атаману Казаков Националистов в Болгари.

Отдел литературный:

16. ШАЛВУР НИМИНОВ: Честь Атаманская (рассказ).
17. ИВАН КОЛЕСОВ: Это там, у нас, теперь Хопер разлился (стихотв.).
18. † ИВАН ТОМАРЕВСКИЙ: * * * (стихотворение).
19. СЕРГЕЙ МАКЕЕВ: На следствии (рассказ).
20. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Жизнь Казачества за Рубеном:

21. Речь Ш. Н. Балинова, сказанная на докладе. И. БИЛОГО:
22. САВЕЛЬЕВ: „Атаман работает".
23. Я. ЛОПУХ: Об общеказ. празднике.
24. Тени тихорецких жертв. — Г. Еременко.
25. Казачья елка в Лесковце (Югославия).
26. Письмо в редакцию. — И. Овсяник.
27. На собрании русских в Париже.

Отклики из массы:

28. Емельян Кочетов. — Письмо в ред.
29. На избрание П. Н. Кудинова. — Г. М. Александрин.
30. Самореклама и дело. — А. Лысенков.
31. Необходимое раз'яснение г-ну Джанхоту. — Б. А. Лыков.
32. Казачья елка — вечеринка. — в Софии
33. От Сливенской станицы каз. националистов. — Д. Князев.
34. Отрывок из письма казака.
35. Почтовый ящик.

Журнал „Казакия" никому безплатно выєылаться не будет. Станичники, Ваша скромная помощь, (подписка на Журнал) даст возможность издавать его регулярно. Подписную плату пересылать окружным Атаманам и Предст. Центр. Правления. Последние пересылают на имя председ. Ц. П. — П. Н. Кудинова — София бул. Драгоман 52.

КНИГА ИМЕЕТ

Выпуск	В перепл. один соедин. №№ вып. 1934 №2-10	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	Списков и прилож. №№	1961г.:
71	—					536	

Рос 4-4/1-857

КАЗАКИЯ-КОЗАКІЯ-KOSAKIA

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией: С. БАЛЫКОВА, Г. ЕРЕМЕНКО И Ф. ОБОЛЕНСКОГО.

№ 2 (8) ◎ Январь 1935 года Болгария. София, бульв. Драгоман, 52 ◎ № 2 (8)

ЕННАЯ ЕКА ОТДЕЛ им. В. И. ЛЕНИНА

67-342

От Центрального Правления В. К. Казаков Националистов.

§ — 1. Двести двадцать семь лет тому назад Казачество подверглось зверскому уничтожению и опустошению со стороны Москвы. Десятками исчезали с лица земли казачьи городки, пустели поля и сильно поредели ряды казаков. Горе вдов и сирот стоном нависло над притихшей степью. Казалось, что пришел конец Казачеству, и уж хохотал кровавый Петр . . . Но были полки казачьи в походе далеком. Вернувшись на опустошенную родину, они возродили Казачество и залечили его раны . . .

Еще более грозному истреблению и опустошению подвергается наша Родина ныне при — Сталине. Нет счета снятым головам казачьим, нет счета умученным, множество томится в лагерях каторжных, скитается бездомными по Руси обширной, по чужим городам разбрелись сироты . . . Наши поля и степи занимают мужики Московии. Но жива многочисленная каз. эмиграция и она обязана снова возродить и закрепить Казачество на вечных реках наших, на дедовских пепелищах.

Поэтому — каждый казак, находясь ныне на чужбине, должен духовно сохраниться, должен твердо помнить о своем долге перед Родиной, перед своим народом, перед своим потомством. Он не должен угашать духа своего казачьего, не приростать к чужим весям и городам, к чуждой среде, не забывать свой язык и обычаи казачьи, а у кого завелась здесь семья и пошли дети — должны растить и воспитывать их в духе казачьем, национальном, крепко вложить в их душу любовь к слову „казак“ . . .

Только так будет сохранено и возрождено Казачество. Только так оно залечит свои страшные раны.

§ — 2. Центральное Правление благодарит членов Сливенской ВК станицы за уместную инициативу — участие в торжестве по случаю открытия памятника болгарскому национальному герою Хаджи Димитрию.

§ — 3. Центр. Правл. благодарит членов Общества Ревнителей Казачества за проявленную жертвенность — издание собственными средствами номера 3-го газеты „Единство и Независимость“.

§ — 4. Центр. Правление благодарит вольн. казаков в Праге, которые, по собственной инициативе и на местные средства, заказали вольноказ. нагрудные значки. ЦП извещает все вк., что эти нагрудные значки имеют право носить только те вольные казаки, которые зарегистрированы и имеют нумерованные членские билеты от ЦП.

§ — 5. Всех казаков, приславших свои рождественские и новогодние поздравления Ц. П. и Р. сердечно благодаритъ и ответно поздравляет. Да будет наступивший Новый год годом разрыва вражьих цепей, сковавших в московской неволе нашу Родину — Казакию . . . Воистину трагический момент своей истории переживает Казачество и только об'единенным напряжением всех лучших умов спасем мы его.

Да здравствует казачий разум, сердце смелое и воля неотступная к Свободе и Самостоятельности! . . .

Предс. ЦП. **П. Н. Кудинов.**

Член Президиума **И. М. Евсиков.**

Секретарь ЦП. **С. Б. Балыков.**

„Осознание межнационально-политических необходимостей есть явление высшего политического понимания“. **М. Шаповал.**

ОТДЕЛ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

Д-р С. А. Федоров — (Прага)

Казачья нация

(IV. Природа и образование нации).

Процесс образования нового национального казачьего характера на Кубани, например, подмечался уже давно — 50—70 лет тому назад. Вот как иллюстрирует его проф. Ф. А. Щербина в своей исторической работе, написанной в 80-х годах прошлого столетия: „Сложившееся из двух национальностей линейное казачество получило однако одну общую и очень выразительную физиономию, тут не было даже сословной дифференциации — линейцы не имели ни казачьего духовенства, ни торгового сословия. Население получило смешанную двойную окраску — образовалось нечто среднее между великороссами и малороссами — язык, бытовая обстановка, некоторые обычаи и т. д. носят именно этот двойственный характер". Процесс народной формации шел быстро — Кубанская „Линия" в те времена насчитывала всего лишь несколько десятилетий своего существования.

К этому следует еще присовокупить, что линейное казачество складывалось не только из двух упомянутых народностей, они только вливались в главное ядро линейцев, составлявшееся из донского, б. запорожского казачеств. Кроме того, на линию переселялось и значительное количество казаков других войск, вливалось туда также и много инородного элемента.

Вообще кавказское линейное казачество представляло из себя конгломерат всякого люда, более или менее близкого по происхождению к казачеству природному; эта близость и служила к быстрому амальгамированию пришельцев специфически казачьим духом.

Но не только линейное, а и переселенное на Кубань потомство запорожцев — Черноморское казачество — в местных условиях эволюционировало в сторону казачьего национализма. Главнокомандующий Кавказской армией князь Барятинский писал в Петербург в 1861 году, что „отделенность черноморских казаков принимает характер национальности и проявляется в недоброжелательности к иногородним, которых черноморцы зовут „москалями" (хотя кубанские иногородние, в подавляющей массе свой, есть как раз и не москали)".

Национальная обособленность черноморцев половины XIX столетия становится еще более понятной, если вспомнить, что в то время в запорожском потомстве еще были очень сильны исторические традиции об их этнической обособленности от русского народа.

Каким же образом возникает подобная воля и когда она начинает проявляться?

Зародыши ее в Казачестве можно усматривать еще в весьма отдаленные времена. Если даже не обращаться к историческим предкам Казачества, заселявших в древние времена широкие степи Черноморья и Подонья, а рассматривать Казачество в развитии его общественной жизни со времени появления его под этим именем на историческом горизонте XV века, то и того достаточно для ответа на поставленые вопросы.

События, происшедшие на казачьих территориях в конце средних веков (средними веками считается период от падения Рима до взятия Константинополя турками), привели к страшному регрессу древне-русской жизни в них, и к одичанию удержавшегося там населения.

Поэтому мы должны констатировать, что упоминаемый период может быть охарактеризованным, как полудикарский, который также носит название варварского, именно в том значении, как его применяла еще не в далеком прошлом европейская наука в отношении воинственных кланов, населяющих Северную Африку.

И действительно, казаки XV века, как и все люди варварского периода, живут небольшими группами (ватагами) только тем, что они могут получить из природных даров в готовом виде — рыболовством, звероловством, бортничеством, собиранием плодов и т. п.

Подобно ордам номадов, казачьи группы принуждены были непрестанно передвигаться с места на место, выискивая себе средства к существованию охотою на диких зверей, рыбною ловлею, сбором готовых даров природы, грабежами и добычничеством.

Только со временем у казаков появляется скотоводство и к этому периоду уже относится организация больших общин, появление населенных пунктов, предназначенных больше для самообороны и защиты необходимых для пропитания околицы. Но эти общины, как это водится обыкновенно у пастушеских народов, еще не составляют больших общин — Войск. В этот период Казачество живет, как может, пользуясь только тем, что у него есть под руками.

В этих условиях жестокой борьбы с природою казаки творили свои особые формы общественной жизни, которая сама вырабатывала в Казачестве своеобразную психологию с ее, так мало понятными для европейцев и вообще для человека оседлого, резкостями и противоречиями. Такими являлись: анархизм и беспрекословное повиновение избранной старшине, необеспеченность жизни и беззаботность в отношении завтрашнего дня, жестокость и уважение к личности, добродушие и воинственность, ревнивое отношение к своей независимости и готовность предлагать свой мечь венценосцам для завоевания и усмирения стремяшихся к свободе народов, самостоятельность и конвойная служба по найму.

Типические черты, одинаково свойственные и древним скифам, обитателям этой же территории,

которые более двух тысяч лет назад были, подобно казакам, одновременно анархистами и жандармами Европы. В древнегреческих трагедиях роль палачей всегда принадлежала скифам, а они, как это известно, были народом добродушным и мягкого харахтера, что, однако, не мешало им быть воинственным и жестокоим. Это были как раз те самые противоречия национального характера, которые так присущи Казачеству.

Для Казачества — в казачестве все равны, вне казачества тоже все равны, но в отношении обратном: „не казак, так и не человек". Анархизм был искренней религией Казачества и его полной философией. Прошло много веков, пока он видоизменился и Казачество стало на путь государственности.

Вся история Киевской Руси есть борьба со степью т. е. с анархическим хаосом, господствовавшим там, и эта борьба составляла также главное содержание государственной работы в Москве. „Только в московском государстве анархизм принял установившееся уже имя казачества" — пишет Салтыков в своей книге „Две России".

Подобным же образом говорит о Казачестве и С. Соловьев, известный русский историк. Но не только Москва, такую же самую судьбу переживали и Литовско — польская держава и Украинский Гетманат.

В то время, когда при нормальном развитии общественной жизни период варварский переходит в формы примитивного коммунизма, где роды соединяются по кровной связи и переходят к разведению скота и обработке земли, Казачество эволюционирует в сторону воинственного номадизма.

Хлеборобство в Казачестве явление гораздоболее позднего времени. Раньше оно составляло исключительное и далеко непочетное занятие только пришлого, в казачьей среде бесправного элемента. Обработка земли перестает караться смертною казнью у донцов только в 1690 году, но еще в начале XVIII века запорожцы и донцы, а в середине его только запорожцы, разрушают хлеборобские поселения, а черноморцев на Кубани елеле приохочивают к хлеборобству в начале XIX века.

Своеобразный коммунизм сохраняется в Сечи Запорожской до ее последних дней, в виде куренного сожительства сотен людей в одном здании, пользование одними угодьями, одним столом и прочим.

На Дону остатки его также сохраняются до половины XVIII века в формах общего ведения хозяйства в городках, дележа добычи от охоты и рыбной ловли, общего приготовления пищи и т. п.

Пережитком варварского периода и примитивного коммунизма является и „односумство" сохраненное и до наших дней и характерное для всего казачества вообще. Все это пережитки от тех времен, когда отдельный индивидум или даже группа не могли быть уверенными в возможности постоянно быть обеспеченным добытыми своими силами средствами к существованию.

Взгляды на собственность, как на общее достояние, целиком согласуются с экономически — общественной ровностью членов коммунистического общества и члены его составляют целостное единство, которое еще не знает сословных и классовых перегородок.

Это единство можно было бы назвать идельным, если бы оно не носило варварского характера, ибо в то время мало развитое и неосознанное житье всецело зависело от диких сил природы.

Д-р Полковник Федоров А. С.
Член Центрального Прав. В. К. Казаков Национ.

„Скифы должны были бороться за существование со скудостью природы — говорит Рабиндранат Тагор, знаменитый индусский философ — самым целесообразным разрешением этой задачи они считали организацию всего населения в шайки разбойников — мужчин, женщин и детей. Они стали непреоборимыми для тех, основные функции которых заключались в мирной созидательной работе в рамках гражданского сообщества".

Эти природно-естественные условия черноморско-азовских степей сказывали свое влияние на весь люд, заселявший последние. Наложили они также свой отпечаток и на характер Казачества, который проявляется в продолжении известных нам двух веков в типических чертах воинственного номадизма: характерные его особенности — смена безрассудной расточительности и несдержанности с горькою нуждою, отсутствие всякого постоянства и предвидения, **неискоренимое стремление к распрям** (подчеркнуто редакцией), добычничеству, приключениям, которые на долго убивают всякую охоту к мирной деятельности.

Нет сомнений, что территория безусловно влияет на образование внутренней индивидуальной особенности нации, на образование национального своеобразия. Вообще известно, что характер и быт отдельных народов в значительной степени складывается под влиянием характера территорий, которые они населяли. Географическое положение края, климат, характер территории отражаются в национальной психологии и характере народов, его населяющих.

Нет никаких сомнений в физиологической гармонии между расой и ее окружающей средой, как например приспособленность к климату, устойчивость перед болезнями — все это есть указания на то, каким путем климатические условия претворяли когда-то человеческий род и давали начала новым физическим разновидностям.

Организм, который в продолжение столетий находится в определенных бытовых условиях, сростается со своей средой. Примером этого служит Низовое Запорожское и Донское Казачество, веками приспособленное к своим территориальным условиям и сохранившее устойчивость приеобретенных особенностей, в широком смысле, при переселениях в равные, тождественные условия на Кавказ и в Турцию. С этой своей природной средой представляя единое целое, народы создают в ней свою особую культуру и цивилизацию.

На почве физиологической формации, у народов, вытворивших или принявших какую-нибудь цивилизацию, образуется дальнейшее звено — формация психическая, уменьшающая интенсивность физиологических изменений. Народ, который очутился в новых климатических условиях, должен был по виду перетвориться во всей своей массе.

В этом отношении достаточно указать на всем известный факт формации Северо-Американского народа в Соединенных Штатах. Представители, пожалуй, почти всех европейских народов уже через одно два поколения начинают походить один на другого даже по физическому типу, не говоря уже про полную общность национального чувства и характерного северо-американского патриотизма.

Американизация населения идет так далеко, что представители европейских народов принимают по внешности свойства американско-индийской расы, даже в отношении окраски цвета кожи и характера растительности на теле — все это результат влияния климатических условий.

Тот же самый процесс наблюдается и в Сибири, где побеждает урало-алтайский инородческий тип, расславянивающий в географических условиях менее устойчивый русский тип. Тоже самое явление имеем мы и на собственно-казачьих территориях Дона и Кавказа, где уже к нашему времени образовался свой национальный тип казачьего народа, отличный от остального соплеменного неказачьего населения казачьих земель. Казака весьма легко можно отличить по фигуре, по движениям, по физиономии.

Но само Казачество не имеет какого-то единого казачьего типа: степовой казак, кавказский или сибирский имеют свои отличительные свойства, как во внешнем и физическом, так и в духовном отношениях.

Особо характерный горский тип, легкость, пружинность и внешнее сходство с аборигенами Северного Кавказа, приобрело Казачество, осевшее по „Линии“ и в особенности Казачество Терского Войска, жившее на Тереке с незапамятных времен. Все это результат каких-нибудь 100 лет, давших два три поколения после первых переселенцев.

Историк Кубани Ф. А. Щербина еще во 80-х годах прошлого столетия писал: „Одним словом, линеец был тот же черкес только русской национальности.“ В определенной мере принимает подобный же тип и не казачье коренное „иногороднее“ население, которое уже несколько поколений живет между казаками и горцами.

Психология такого „коренного“ почти ничем не отличается от казачьей, в особенности это характерно проявляется в последний период совместной самообороны „коренных“ с казаками против РСФСР и ее протеже — „некоренного“ населения и новых колонистов.

С формальным перечислением „коренных“ сел на казачье положение, Кубанское Войско приобрело в 1919 году деясяток тысяч казаков, проявлявших свое казачество куда радикальнее, чем само природное Казачество.

На казачьих территориях мы имеем образование особого расового типа, вкладывающегося в понятие **Национально-Казачьего**, со свойственным ему племенным духом.

Это есть создание особой среды окружения, как природного, также и общественного, которые, влияя на психику определенных людских групп, создают особый племенной дух, заключающийся в общественном устройстве и во всем том, что составляет государственность, абсолютно также, как душа составляет нераздельную часть организма, пребывая в своем теле.

Национальный характер, как таковой, представляет из себя то особое соединение духовных сил, внешним выражением которого является жизнь народа. Необходимы столетия для того, чтобы установилось определенное политическое устройство и также необходимы века для его переустройства.

Учреждения и формы казачьего управления, во времена вольного его строительства, являлись продуктом духа этой казачьей расы, все правительственое устройство наших казачьих государственных образований являлось продуктом национального казачьего характера.

Казачество не создало того абсолютизма, который свойственен русскому народу. В течении по крайней мере полутора столетий, Казачество, лишенное воли в свободном строителстве своей государственности, должно было принимать эксперименты имперской власти, и, все же, царская Россия не перетворила его в „крестянство“, точно также, как не перетворила его и власть коммунистическая. То, что жизнь слагала и укрепляла веками, нельзя, оказалось, уничтожить в столь короткое время.

Всем этим Казачество обязано тому природному и общественному окружению, среди которого оно пребывало веками на своей территории. Казачьи земли, из конгломерата всех наций и народов, творили сами единый Казачий народ. Сама природа стихийно творила психику этого народа, тем самым путем, каким творятся и создаются психические расы и народы.

В этих условиях физическое тело Казачества сросталось с самой природой и проникалось своим особым духом, создавшим народную психику и внутренний мир Казачьего народа.

„Самый непростительный грех для партийного лидера — это довести свою партию до раскола“.
А. Бальфур.

Шамба Балинов

Некоторые факты из Международной жизни за истекший год.

Устранение разногласия между великими европейскими державами, установление хотя бы относительной европейской солидарности, несомненно, явилось бы первым шагом на путях всеобщего успокоения, могучим средством к преодолению большевизма, что так упорно и методично подтачивает основы спокойствия и благополучия всего мира. Также несомненно, что на путях такого замирения Европы самыми острыми „подводными камнями" были и остаются; исторический антагонизм между Францией и Германией, а также более чем холодное взаимоотношение между той же Францией и Италией.

На этих именно разногласиях, на „классовых противоречиях" буржуазии, строили свою внешнюю политику большевики и, к сожалению, до сих пор преуспевают.

Возможно ли устранение этого исторического атагонизма между великими европейскими державами, может ли установиться между ними общность взгляда, согласованное действие, отпор против бешенного напора на них большевиков?

Трудно на такой вопрос ответить вообще, а в наше время в особенности, когда международный политический ветер меняет свое направление чуть ли не каждый день, ставя публицистов, следящих за международной политической жизнью, перед полной неизвестностью.

Оставляя в стороне бесполезное занятие — предсказывание, отметим те важные, по нашему мнению, политические факты из международной жизни в истекшем году, которые, если они успешно развились, могли бы привести к той необходимой солидарности между европейскими государствами, что так необходима во имя жизненных интересов той же самой Европы, а может и всего мира.

Для нас остается истиной, не требующей доказательства, что при разрушительной работе международной революционной организации — не будет в Европе мира спокойствия и благополучия. Несмотря на наивную уверенность международных социалистов, демократов, либералов в том, что большевики поумнели, стали, мол, приличными людьми, мира разрушать не собираются, эти последние от своей главной цели — мировой революции, не отказывались и в годовщину советской власти ясно и четко формулировали ее в своем послании к международному пролетариату: „Да здраствует социалистическая революция во всем мире! Пролетарии всех стран! Угнетенные народы колоний! Выше знамя Ленина! Вперед на штурм капитализма! Долой капитализм! Да здраствует советская власть во всем мире! Братьям по классу, узникам капитализма, жертвам кровавого фашизма, борцам за победу рабочего класса — наш пролетарский привет!" „Лозунги ЦК ВКП (б) К 18-й Годовщине Великой Пролетарской революции")

Что можно было бы отметить в истекшем году такого, что можно было бы противопоставить этой открытой угрозе и действий самой жестокой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее бесчеловечных, наиболее империалистических элементов международного революционного подполья?

В начале истекшего года кое-что было, к сожалению, не получившее нужного развития.

13 января состоялся плебисцит в Саарской Области, подавляющее большинство населения которой высказалось за присоединение к Германии. Такой исход плебисцита, об'ективно, устранил один из самых „острых камней" между Францией и Германией.

Приблизительно в то же время состоялась поездка французского мин. иностранных дел Лаваля в Италию, каковая поездка закончилась заключением франко-итальянского соглашения. Это соглашение, если не окончательно устранило, то значительно смягчило разногласия по важнейшим политическим вопросам между этими двумя странами.

В самом начале февраля пр. года французский премьерминистр Фланден и мин. ин. дел Лаваль совершили совместную поездку в Лондон. Поездка эта закончилась заключением франко-английской оборонительной конвенции против воздушных нападений.

И Римское и Лондонское соглашения прошли под знаком устранения причин и поводов к новой войне.

На ряду с указанными выше переговорами и соглашениями, бесшумно, но как будто достаточно явственно намечалась возможность другой коалиции государств, происходящая под знаком ограждения себя от большевицкой опасности.

Следует вспомнить, что в свое время много толков и большой интерес вызвали польско-немецкое соглашение, с одной стороны, а с другой — поездка венгерского министра Гембеша сначала в Варшаву, а потом — в Рим. Эти поездки тогда давали некоторым основание говорить о возможности заключения польско-венгерско-итальянского блока, к которому какое то очень близкое касательство должна была иметь и Германия.

В самом начале февраля пр. года прусский министр ген. Геринг совершил поездку в Польшу под официальным предлогом охоты в Беловежской пуще. Охотясь на диких кабанов, Геринг, конечно, не забывал вести и серьезные политические переговоры со всеми представителями польского правительства и, наконец, был принят самим маршалом Пилсудским, с которым говорил наедине.

Конечно, можно относиться с некоторым недоверием к возможности заключения польско-итальянско-венгерского блока. Особенно можно усумниться в возможность действительного и искренного сближения между Польшей и Германией.

Но факт тот, о таком возможном блоке определенно говорили во многих политических кругах. В случае заключения такого блока, несомненно, острие его было бы направлено на СССР.

На тот же СССР всегда будет направлен удар могущественной на востоке Японии, преграждающей путь продвижения коммунизма на Восток. Если политика Европы может меняться, иногда становясь благоприятной для СССР, а иногда и неблагоприятной, то политика Японии остается

всегда неизменно враждебной СССР, а потому наиболее опасной и грозной для последнего. Ибо сейчас между Японией и СССР идет не официальная, но жестокая война за крепкое овладение Монголией, этого главного стратегического плацдарма для восточной политики. И недаром московские большевики так неожиданно воспылали любовью к калмыцкому народу на Волге, неожиданно быстро переименовав Калмыцкую Область в Калмыцкую Республику и подняв вокруг этого вопроса такой большой шум. Разумеется, от этого переименования калмыки решительно ничего не выгадали — они по прежнему остались бесправными рабами, стонущими под сталинским сапогом. Но это переименование — отличное оружие в руках большевиков для политической пропаганды в Монголии, для привлечения к себе симпатии монголов.

Итак, в истекшем году имели место некоторые факты, которые давали некоторую надежду на устранение причин разногласий между великими державами Европы, которые, затем, могли более согласованно оказывать отпор большевитскому нашествию.

Но болшевики могут радоваться теперь: не было счастья, да несчастье помогло. Неожиданно разразился итало-абиссинский конфликт. В результате: окончательно испортилось взаимоотношение между Италией и Англией; охладилось отношение между той же Францией и Италией; принятое Лигой Наций решение применить к Италии санкции привело к тому, что между той же Италией и всеми государствами — членами Лиги Наций значительно испортились взаимоотношения. Открыто стали говорить о возможной итало-английской войне.

Провал предложения Лаваля-Хора привел конфликт к полному тупику. Над международной политической жизнью нависла черная туча.

Как вор любит темную ночь, так и большевики в этом политическом мраке чувствуют себя как рыба в воде и всюду развивают бешенную работу по вбиванию клина между „фашистским" миром.

Воздержимся от предсказаний, но будем надеяться, что мрак этот рассеется и при спокойствии умов мужей совета и при дневном свете не будет возможности большевикам распоясаться во всю.

Иван Безуглов

Политический обзор

I.

Нет сомнения, что одним из важнейших событий в международной политике начала 1936 года является заключение военного договора между Англией и Францией. В первые дни мировая пресса трактовала его как временный сговор на случай нападения Италии на Англию. Однако, из дальнейших информаций стало известно, что Англия обязалась помочь Франции, если на нее будет совершено нападение. Эта узкая квалификация договора придает ему особый оттенок в свете грядущих событий. Исходя из этой оговорки следует, что если Франция втянулась бы в войну не в порядке самозащиты против державы, на нее напавшей, а в порядке особой обязанности перед третьей державой, без случая непосредственного нападения на нее самую, то Англия не обязана выступать на защиту Франции. Конкретно говоря, по этому договору, Франция гарантирует себя от нападения со стороны Германии, но она не обезпечена поддержкой Англии, если втянется в войну с немцами в порядке защиты иных своих союзников, например СССР.

Если принять во внимание то, что Германия не проявила по поводу этого безусловно важного договора двух сильнейших держав особенного беспокойства, приходится думать, что акт этот совершился не без ее ведома и согласия.

На фоне этого важного франко-британского договора в интересную фазу вступает судьба франко-советского пакта, который, несмотря на то, что прошло уже 20 месяцев со дня подписания его, несмотря на все старания коммунистическо-социалистического единого фронта во Франции, до сих пор не ратифицирован палатой т. е. не приобрел еще характера законного акта.

Нужно упомянуть, что Франция, с самого начала конца Мировой войны, усиленно добивалась заключения с Англией подобного договора и только неудача в этой попытке толкнули, вероятно, Францию на пакт с советами. Ныне, когда Франция добилась договора с Англией, может оказаться, что пакт с советами значительно потеряет свою ценность, тем более, что перед советами явно рисуется перспектива борьбы с таким солидным блоком держав, как Япония, Германия и Польша. Едва ли Франции будет интересно втягиваться в эту войну.

К этому еще нужно добавить и то, что, по сообщениям некоторых газет, Япония и Германия заручились, на случай войны с СССР, благожелательным нейтралитетом Англии.

Наряду с этим обращает на себя внимание чрезвычайно нервное настроение красного кремля. Беспокойство за судьбу франко-советского пакта и опасения Японо-Германского нападения были ясно выражены в недавней речи Молотова. Надо думать, что кроме постоянных резких нападок на коминтерн и коммунистов в германской прессе и явно угрожающий тон и поведение Японии, у советской власти имеются и другие, более конкретные данные для того, чтобы Молотов о Японо-Германском нападении говорил, как о неизбежном событии.

Принимая во внимание создавшееся напряженное политическое положение на Востоке Европы и в Азии, можно ожидать, что самое ближайшее будущее может ознаменоваться событиями мировой важности. Лихорадочное вооружение всех держав и открытое бряцание их всеми видами вооружения еще более сгущают атмосферу и создают специфическое предвоенное настроение, сводя на нет все старания сторонников мира.

II.

Итало-Абиссинский конфликт потерял свою остроту, так как, подписав соглашение с Англией, Франция поставила Италию перед угрозой об'еди-

ненного выступления в том случае, если бы Италия решилась напасть на Англию. Муссолини, конечно, понимает, что такая попытка с его стороны Англо-французским блоком была бы в корне подавлена. Самая же война в Абиссинии приняла затяжной характер, и ее окончание зависит главным образом от Англии, которая деятельно помогает Абиссинии. В случае принятия Италией условий мира, предложенных Англией, война немедленно будет закончена. Одно ясно, что Италия уже не добьется тех результатов от этой войны, каких она имела в виду. Но нельзя предполагать также и поражение Италии, так как поражение ее не только подорвало бы престиж белых колонизаторов в Африке в глазах туземцев, но и нарушило бы равновесие сил на Средиземном море, где Франция осталась бы безраздельно господствующей державой. Англия всегда делает политику, так сказать, на даль, на целое столетие. Сведение военнополитической мощи Италии на нет не входит в расчеты Англии, а речь идет лишь об ограничении колониальных аппетитов Италии. Поэтому последняя, в конечном результате, должна будет капитулировать перед английским вмешательством и удовлетвориться только тем, что Англия найдет нужным и возможным ей предоставить. Таковой наш вывод подтверждается, например, тем фактом, что Англия и Франция, принимая во внимание ухудшающееся положение Италии, решили не настаивать на запрещении ввоза нефти в Италию.

Санжа Балыков

Аргументы логики и действительности

В теоретическом споре, когда представители несвободного народа начинают выдвигать и обосновывать свои национальные права на свободу и самостоятельность, а представители народа-гегемона отрицают эти права и доказывают незыблимость существующего положения, никогда не может быть речи о добровольном соглашении и компромиссе. По крайней мере, нет в политической истории человечества случая, когда два народа разрешили бы подобный спор в результате мирного обмена мнениями и в силу убедительности аргументов одной из сторон.

Этот теоретический спор всегда разрешался только реальными возможностями. То есть, когда представляется фактическая возможность, закабаленный народ всегда предпочитает освободиться, или — когда есть реальная возможность, народ-закабалитель, невзирая ни на какие аргументы от морали и права, продолжает насильно держать народ под своей властью.

Поэтому, все споры вокруг вопроса — имеют ли казаки право на самостоятельное государственное существование или нет — по существу представляются пустыми, праздными спорами, совершенно не имеющими практического значения. Дело обстоит очень просто и ясно: Сумеют — казаки освободятся и организуют свое государство, не сумеют — никакие их убедительные аргументы не тронут сердца русских правителей.

Но, тем не менее, в этом споре есть существенный для многих момент предпосылочного характера, а именно: особые ли народы казаки и русские, или это — один и тот же народ, т. е. — историческое ли явление казачество или этническое? . .

Из наблюдения видно, что не только для русских, но и для многих казаков этот момент имеет важное принципиальное значение, как обоснованность или беспочвенность казачьего освободительного движения. Актуален этот вопрос еще и потому, что он не достаточно исчерпывающе и всесторонне освещен.

Исторические изыскания И. Быкадорова не были доведены до конца, ибо выпущенный том его „Истории Казачества“ является только вводной и подготовительной частью его труда. Вопрос об этнической сущности казачества и историко-политическое обоснование казачьего освободительного движения должен был быть подробно и серьезно разработан во втором томе „Истории Казачества“, каковой автор уже плановал.

Но, к нашему сожалению, в результате ревности и честолюбия на верхах ВК, где растущая популярность Быкадорова, как идеолога движения, кое-кому портили сон, труд этот был прерван. Быкадоров, и мытьем и катаньем, был из вольноказачьей семьи выжит, принужден был искать личного устройства, что, в свою очередь, потребовало непременного прекращения его работы по казачьей национальной истории.

Труд Д-ра С. Федорова еще не окончен печатанием, печатается небольшиии отрывками, с большими промежутками и в журнале, который, издаваясь в ограниченном количестве, имеет распространение только среди вольных казаков, для которых вопрос об этнической обособленности казачества является уже не столь актуальным. Политически созревшие вольные казаки свое стремление к самостоятельности больше оправдывают моментами психологическими, государственно-экономическими и политическими. Кроме того, труд Д-ра Федорова до сих пор носит научно социологический характер, а потому для многих, консервативно мыслящих элементов, он может оказаться не столь пронзительным.

Надо, кстати, заметить, что модерная социология, в вопросе обособления народности и образования государства, гораздо большее значение придает моменту психологическому, экономическому. То есть, говоря проще, для того, чтобы данное человеческое общество обособилось и образовало свое государство, достаточно: а) наличие у него активного желания обособиться, б) экономическая выгодность такого обособления и в) благоприятная политическая обстановка.

Именно при наличии этих трех моментов англичане в Америке обособились от основного ядра Великобритании, образовалась и существует Швейцария, Бельгия, Дания, Австрия. Поэтому, вольные казаки (казачьи националисты), оставляя без особенного внимания вопрос этнический, а в своем стремлении к самостоятельности опираясь, главным образом, на вышеупомянутые, три важых момента, с точки зрения социологии, поступают совершенно правильно и обоснованно.

Действительно, коль скоро казаки психологи-

чески оторвались от русского народа, естественные и искусственные рессурсы страны вполне обеспечивают экономическое процветание и улыбается благоприятная политическая обстановка, они могут освободиться и зажить своей государственной жизнью. Если при этом принять во внимание то, что связь с русской государственной системой несет казачеству обескровление, разорение и уничтожение, они не только могут, но и должны искать путей освобождения.

Но освещение вопроса о разнородности русских и казаков имеет значение для тех казаков, которые придают превалирующее значение моменту этническому т. е. вопросу, — русские ли люди казаки, или это — казаки без всяких прилагательных определительных, как самодовлеющий этнический фактор?

Вокруг этого вопроса спор еще не окончен и не все аргументы пущены в ход, хотя стороны продолжают оставаться на своих позициях: казаки-националисты на утверждении этнической обособленности, а казаки-русские на том, что казаки это — те же русские люди, разновременно сбежавшие из центра России на ее окраины.

В этом споре бывают моменты и из крыловского „Ларчика", когда стороны, пускаясь иногда в очень глубокомысленные рассуждения, оставляют без внимания весьма убедительные и наглядные факты.

Мне кажется, что ни один культурный, толковый и об'ективный русский или казак не станет отрицать всем известный и очевидный факт разницы в коллективной или индивидуальной психологии казака и мужика, разницы в общественном и семейном быте, разницы в обычаях и нравах, разницы в народных творчествах — в песнях и сказках. Этих различий между казаками и мужиками не умалчивает даже Краснов в своих весьма тенденциозных романах. А ведь именно эти факторы и являются самыми прочными и несомненными элементами национальной особенности каждого народа!

Если казаки, действительно, были бы теми же мужиками, только переселившимися из центра России на несколько сот километров по суше на окраину государства, например — из Тамбова в Урюпинскую, то для всякого разумного человека станет ясно, что эти мужики, на новом месте поселения, никогда не могли бы выработать у себя иной общественный строй, иные государственные принципы и законы, иные общественные и семейные традиции, иные нравы и обычаи, иные песни, иную психологию.

Эти национальные особенности так легко и быстро не меняются, тем более, когда главное ядро народа под боком, с которым происходит беспрерывное духовное, материальное и административное общение. Мало этого — эти особенности, эти национальные элементы, очень долго (веками) не теряются и тогда, когда части одного и того же народа оторваны друг от друга далекими расстояниями и живут в разных социальных, экономических и политических условиях.

Это мы видим на примере англичан, украинцев, калмыков, сербов, евреев, немцев и вообще всех народов, которые физически разрознены и разбросаны по разным концам земного шара, отделенным иногда громадными расстояниями от основного ядра.

Англичане, сотню лет тому назад переселившиеся в Америку, Канаду, Австралию, Африку, Новую-Зеландию, по всем указанным признакам, даже государственно обособившись, остаются англичанами.

Украинцы на Дальнем Востоке, в Канаде, на Подкарпатской Руси, на Волыни или на Днепре, по идеалам общественного быта, по семейным традициям, по обычаям и нравам, по психологии (нац. характеру), по песням и сказкам остаются украинцами. Так и другие народы — евреи, немцы и т. д.

Двести семьдесят лет тому назад небольшой, сравнительно, калмыцкий народ, будучи разбитым на две части, отделенные десятками тысяч километров, очутился в двух совершенно разных условиях (Россия и Китай), подвергся активным ассимиляционным мероприятиям и там и здесь, подпал под влияние двух различных культур, и за все эти 270 с лишним лет части народа абсолютно не имели общения. Калмыки в России думали, что калмыки в Китае давно окитайчились, а те наоборот. И только летом 1932 года случайно встречаются в Европе представители этих двух частей народа и начинают говорить на чистом родном языке. Проверяют и находят, что ни в отношении психологии, ни в отношении общественного и семейного быта, песен и сказок, обычаев и верований, ни там, ни здесь ничего не изменилось.

Так крепки национальные особенности всякого народа!

Более яркий и близкий пример можно наблюдать в жизни самих казаков:

В порядке ассимиляционных и колонизационных мероприятий Российского правительства, из казачьего национального ядра (Дона) разновременно отрывались значительные группы и переселялись на далекие окраины государства — на Урал, на Терек, на Кубань, в Забайкалье, в Уссурию, в Семиречье, а на Дон, на места ушедших, под разными видами и предлогами, вселялись с севера мужики. И все же, казаки, в отношении вышеуказанных особенностей, везде оставались казаками, а мужики, даже много лет живя между казаками, оставались мужиками!... И это несмотря на всяческие правительственные мероприятия, долженствующие ускорить процесс окончательной ассимиляции казаков, несмотря на родственность обоих народов (язык и вера), что является очень благоприятной почвой для слияния.

Тот факт, что казаки, несмотря на все вышеуказанные наличные условия, благоприятствующие их ассимиляции, несмотря на сотни лет совместной жизни с русским народом, не потеряли своих отличительных национальных особенностей, и доныне сохраняется заметная разница между казаками и русскими, убедительнее всяких исторических изысканий свидетельствует о том, что казаки и русские это не один и тот же народ, что первоначальное ядро казачества безусловно было иным, нежели ядро русского народа, и что только в результате вековых влияний казачество, в языковом отношении, сблизилось с народом русским, хотя и в этом отношении разница все еще уловима.

Отсюда легко понять и то, почему и здесь, в эмиграции, очутившись обездоленными в чужих краях, живя сиротами в чуждых условиях, когда налицо все данные к духовному сближению между одинаково несчастными эмигрантами из одного го-

сударства, казаки и русские продолжают жить разной жизнью, разными интересами и никак не сливаются.

Только потому, что казаки не были русскими, до самых 1700-х годов они имели свое самостоятельное государство, основанное на совершенно иных принципах, чем государство русских.

Несомненно, что к настоящему времени казаки значительно обрусели, потеряв в известной части свое национальное лицо и самосознание, но не настолько, что нельзя было бы казачество национально возродить.

Смешение и слияние одних народов с другими, исчезновение существовавших народов, появление их под новым названием в истории человечества дело не новое и не редкое. Если внимательно рассмотреться вокруг, мы легко это заметим: есть монголы, ставшие татарами, есть калмыки, ставшие персами, башкиры, ставшие крешенами и мещеряками, голландцы, ставшие бурами, французы ставшие бельгийцами, немцы, ставшие швейцарцами и т. д. — их же просто не перечислить, особенно если из случаев массовой ассимиляции перейдем к случаям частным. Вот почему и среди казаков встречаются — казаки-националисты, казаки-ренегаты (русские) и даже такие наивные казаки, которые говорят: „Я — казак и казаком умру, но какой-же я не русский". Мало этого, есть и такие, которые говорят: „Я тепер чехословацкий гражданин, следовательно я — чех". „Аз смо югословен" — говорил Вл. Куртин на Малом Круге и на этом основании отказался голосовать при выборе тогдашнего ЦП и до сих пор, 8 лет, сотрудничает в журнале „ВК" под псевдонимом.

Спокойно и даже интересно можно спорить с тем казаком, который, оставаясь казаком в этническом смысле, т. е. считая себя представителем отдельного казачьего народа, в государственно-политическом смысле ориентируется на Россию и смотрит на свою ориентацию, как на известный способ разрешения своего национального вопроса, а не как на следствие, вытекающее из этнической однородности казаков и русских.

Что-же, бывает в жизни и так, что можно быть бесспорным и несомненным отдельным народом, но не иметь своего самостоятельного государства. Мы видим, как десятки и сотни народов, волей или неволей, входят в состав одной государственной организации.

Но бывает противно слушать тех казаков, которые считают себя русскими, искусственно пытаясь натянуть на себя чужую шкуру. . . Действительно — что может быть гадливее того, когда человек, в судьбоносный момент национальной истории, трусливо открещивается от имени своего и переходит на ту именно сторону, которая угрожает физическому существованию его родного народа!??

Наряду с этим, это может быть благороднее того и достойнее звания мужчины, когда человек, в опасную минуту народной жизни, невзирая на трудности, смело и открыто идет на борьбу за лучшую долю народа!??

Вот почему в данный этап казачьей истории, для казака нет лучшего вида служения своему народу, как служение идее национальной.

Запорожец

О важном

В своем историческом развитии Казачество неоднократно доказывало свою большую жизненность, свой высококультурный творческий и рыцарский дух. Слава о казаке, как рыцаре, известна всему миру. О казачьей удали пели и поют песни иные народы, но, к сожалению, мало кому известен казак, как творец культурных и экономических богатств. В этом отношении Казачество само виновато, так как мало о себе говорило. Без преувеличения можно утверждать, что там, где только поселился казак и его воля не была ограничиваема, там сейчас же начинала кипеть жизнь. Он рыцарем был и в мирной жизни. Живя сам, он давал возможность жить около себя и другим, при чем не хуже себя. И в этом отношении кубанские казаки могут быть образцом, хотя казаки и иных войск от Кубани в этом не отставали. Например, кубанцы из дикого Северного Кавказа, за время от замирения его и до Европейской войны (всего лет за 50), создали цветущий, образцовый край, которому могла бы позавидовать не только любая великорусская губерния во всех отношениях, но и многие края, так называемой „культурной Европы", где культура эта исчисляется сотнями лет.

Будучи хорошим культурно-хозяйственным творцом, казак не был так безукоризненным защитником своих прав, своей земли, своей национальности и своих экономических богатств, которые с таким большим трудом для себя создал. Насколько он был безукоризненным хозяином и рыцарем, настолько он был плохим политиком. И все беды, которые свалились на казачью голову, есть общий итог его равнодушия к политике. И эти беды будут повторяться до тех пор, пока Казачество не уразумеет, что оно само должно непосредственно не только интересоваться свой внутренней и внешней политикой, но и непосредственно, тем или иным способом, принимать участие.

К сожалению и сейчас еще среди казачьей интеллигенции есть такие, которые, даже занимая руководящие посты и желая влиять на ход событий, впадают в крайности и учат казаков — **сторониться** от политики. Этих казачьих „лжеучителей — фарисеев" можно уличить в одном, что в грядущих, важных для Казачества событиях, они боятся, чтобы Казачество не сказало свое последнее слово о своем желании быть вольными и жить так, как оно хочет. Эти лжеучители хотели бы повести Казачество для осуществления чуждых ему целей и сознательно толкают его в пропасть общественно-политического невежества и младенчества.

Конечно, Казачество, как элемент здоровый должно отвергнуть этих лжеучителей и указать им место.

Сегодня, когда культурность каждого народа в целом расценивается степенью его заинтересованности и участия в общественной политической жизни, Казачество, как образцовый культуртрегер, и в этом отношении, хотя бы ради своего существования, **обязано** разбираться во **всех политических вопросах** также безошибочно и хорошо, как отлично разбирается оно в своих вопросах культурно-хозяйственных.

Для всех истинно-казачьих патриотов пусть будеть авторитетом первый Президент Чехословацкой Республики и известный социолог Т. Г. Масарик, который много поработал над тем, чтобы научить широкие массы своего народа не только хорошо разбираться в политических вопросах, но сделал обязательным для всех, в той или иной форме, непосредственное участие в политической жизни нации.

Того же придерживался и великий организатор Польского государства маршал Пилсудский, который, будучи сам великим патриотом, не только пробудил свой народ от вековой спячки под властью других народов, но и перевоспитал его, втянул в активную политическую жизнь и, творя вместе с своим народом, за короткое время превратил свою родину в Великую Державу.

У народов, которые давно живут своей самостоятельной жизнью, участие в политической жизни своей страны является повседневным обыденным явлением и руководящие круги, при решении важных и ответственных вопросов для своего народа, не решают эти вопросы сами единолично, но всегда в таких случаях аппелируют к самой массе народа, чтобы она сама решила свою судьбу.

Эти пути уже испробованы и признаны культурным человечеством как самые лучшие. Да и Казачество когда-то, когда его воля не была порабощена, интересовалось политикой своей и решало **всенародно**, на казачьих майданах, радах и кругах, никого не боясь, свои общественные вопросы.

Необходимо Казачеству встрепенуться, сбросить с себя оковы неволи и постараться начать каждому самому как можно внимательно и глубже вникать во все политические вопросы и хорошо разбираться в них, памятуя всегда и всюду, что никто иной, а только само оно — национальное Казачество, может выковать свое счастье.

Древнеказачий Войсковой праздникъ Покрова пресв. Богородици 1935 год.
Група Вольных казаков под казачьими флагами, перед молебном в чешском православном катедрально храме в Праге, (Чехослов.)

Хурумче Амарханов. (Прага)

Исторический акт Т. Г. Масарика

Бесспорно, что жизнь и деятелность Томаша Гарига-Масарика достойны изучения и преклонения, какъ одного из крупнейших личностей своего времени. Он принадлежит к той плеяде счастливых людей, которые, в трудные минуты своега народа, сыграли спасительную роль и за это при жизни были награждены и заслуженной благодарностью и почестью всего народа.

К довершению красоты и величия своей жизни, в декабре минувшего года, этот замечательный человек сделал красивый и глубоко символический жест . . . Он, при жизни, добровольно и досрочно, отказался от поста Президента Республики и ушел на покой. Человеческая история едва ли может похвалиться множеством таких актов!..

Красоту и величие этого его поступка осозн ли все граждане Республики Чехословацкой. Это видно из того факта, что новым Президентом Республики дружно избран тот, на кого указал уходящий Президент — его соратник и один из опытных кормчих Чехословацкой Республики Эдуард Бенеш.

Казакам не следует забывать, что именно в Президенство Масарика, и не без его влияния, многочисленная казачья и калмыцкая молодежь получила в Чехословакии высшее образование, общественно-политическое воспитание и вообще возможность вырваться из цепких рук батраческой жизни.

Личное отношение Т. Г. Масарика к делу оказания помощи эмигрантам было настолько хорошо, что и после официального прекращения правителлственной помощи учащимся эмигрантам, он продолжал из личных средств оказывать помощь, и тем дал многим возможность довести учение до конца.

Пожелаем одному из видных лидеров культурного человечества здоровья и спокойствия в тиши заслуженого отдохновения от трудов честных и полезных.

„Для рассеянного повсюду казачества на чужбине собственный, независимый ни от кого казачий журнал — единственная живая связь и духовная поддержка. Каждый сознательный казак должен подписаться на журнал „Казакию“.

ОТДѢЛ ИСТОРИЧЕСКИХЪ МАТЕРИАЛОВ

Проф. Ф. А. Щербина

Пережитое, передуманное и осуществленное

§ 1. В учебной команде

Вошел дяденька. Яким прочитал „Царю Небесний.“ Мы все усердно крестились на иконы. Харитон Захарович сам не учился ни в какой школе, а выучился читать и писать самоучкою, служа у писаря разсыльным мальчиком, но он знал, что в духовных училищах перед началом учения ежедневно читают молитву „Царю Небесный“ и завел этот порядок и в своей школе. Некоторая торжественность, обставленная чтением молитвы подействовала на меня угнетающе. Как бывший командир, я снова почувствовал себя в чужой среде, и мое сердце сильно застучало от предчувствия чего-то неизвестного и зловещего.

Харитон Захарович приказал ученикам сесть на места и „починать.“ Мгновенно, точно бурный шквал налетел, началось нечто необыкновенное. Четыре старших ученика заголосили на разные лады и я совершенно ошалел от гама и крика учащихся.

Между тем Харитон Захарович подошел к нам новичкам и, покашливая, велел раскрыть граматки и взять в руку указки. Указки делались, обыкновенно, из небольших перышек, с которых щипывалась пушинка и оставался один стволик. Пальцами не позволялось водить по буквам, чтобы не запачкать книгу, а деревянною указкою можно было порвать насквозь бумагу, мягкая же, из гусиного пера указка, не портила книгу. Мы с Яцько быстро наделали, по указанию Якима, целый десяток прекрасных указок, так как предусмотрительный Яцько ухитрился еще до каши утащить у Мотри целое гусиное крыло. Выбравши поэтому по самой большой указке, мы вооружились.

— Ну! — заговорил Харитон Захарович — читайте разом за мною та указуйте указками „на ази“, що чорним напечатані. Оті великі — и он показал, какие именно.

— Аз! — громко возгласил учетель.

— Аз! Аз! — запищали мы в один голос, тыча в жирно напечатанный „аз“ указками.

— Буки — методически продолжал учитель.

— Буки! Буки! — подхватили мы. Потом дальше таким же порядком были возглашены: веди, глагол, добро, е, живети, зело, земля, и иже. На „иже“ Харитон Захарович остановился и об'явил нам, что это будет первый урок на целый день. Он „проказал“ нам, как назывался в школе процесс заучивания со слов учителя школьной мудрости, еще раза два наш урок и мы начали выкрикиват: „Аз! Буки! Веди, Глагол!“ и т. д.

Сначала я весь ушел в себя, смутно слушая какое-то галдение, в котором не улавливал отдельных звуков и находился вообще в угнетенном состоянии. Но, прокричавши несколько раз под ряд „аз, буки, веди“ я стал понемножку осваиваться с окружающею обстановкою и прислушиваться к тому, что делали другие. В общем потоке разнообразных звуков, мне показалась такая тарабарщина, что я хорошо сознавал одно только — необычайную трудность осилить грамотность и чувствовал, точно домоклов меч над моею головою, мерещевшиеся мне наказания. И было от чего придти в смущение и уныние.

В то время, как мы с Яцьком усердно выкрикивали: „аз, буки, веди и прочее при чем я от натуги крикнуть возможно громче хрипел и кашлял, а Яцько невозможным образом кривил рот, чтобы не отстать от меня в те же моменты, Самсон Ольховский еще громче выкрикивал „по складам“ „буки-арцы-азра-бра! веди-арцы-азра-вра! глагол-арцы-азра-гра! добро-арцы-азра-дра!“ и затем глубоко вздохнув, чтобы побольше воздуха захватить в грудную клетку, быстро отчеканивал: „бра, вра, гра, дра!, переходя от „складов“ к „верхам.“ Старший брат Самсона высоким фальцетом читал также по верхам: „аз-ангел-архангел; буки-Бог, божество, Богородица.“ Петро Леурда заучивал наизусть: „Блажен муж иже не идет на совет нечестивых“, повторяя по несколько раз под ряд отдельные слова: блажен, блажен, блажен. муж, муж, муж и т. д. А Яким Кушнир, покачиваясь то в ту, то в другую сторону, важно твердил: „вскую шаташася языци“. В общем выходило вроде столпотворения вавилонского и смешения языков. Казалос, что каждый спешил сообщить что-то другому и никто никого не слушал и не понимал. Однако, читать „в слух“ и громко было основным правилом учебы Харитона Захаровича, которому он неизменно следовал . . .

Да и как было понят этот гвалт новичку, попавшему первый раз в школу? Каждый должен был сосредоточить все усилия воли и внимания на собственном уроке, чтобы не слышать других и каждый вместе с тем насильственно лез со своими выкриками в чужие уши, как в открытые настежь двери, не считаясь ни со всеми, ни с каждым в отдельности школьником. Естественно, что никто ничего не разумел, слушая даже заученные раньше звуки и каждый раз проходил учебу механически, точно заведенная машинка повторяя одну и ту же арию бесчисленное множество раз. Тогда я не понимал еще мудрой поговорки, что корен учения горек, а плод сладок, но весь был переполнен горечью этого корня.

Между тем, как мы учили на разные лады уроки, Харитон Захарович ходил по комнате, заложивши за спину руки и покрякивал. Так продолжалось ученье около получаса и мне тепер кажется, что Харитон Захарович не обращал на нас никакого внимания, не следил за ученьем, а думал о чем-то другом.

— Глядіть же, без мене не шаліть тут! Учіть уроки! — приказал учитель и вышел из школы.

Он стоял вообще за продолжительность заучиванья урока, „шоб краще втягнуться в науку“ — пояснял он.

— Оце батя пішов до графина — шепнул мне на ухо Яцько, подмигивая на уходящего из комнаты отца. „Тепер він буде ходить до графина до тих пор, поки не випье його до дна, або маминька не перелье в голечик водки из графина“.

С уходом учителя из школы, я почувствовал некоторое облегчение и задумался над тем, что я делал и чего никак не мог понять. Собственно я знал названия всех букв церковно-славянского алфавита до „иже“ и дальше „како, люди, мыслете, наш, он, покой“ и пр., заучивши эти названия шутя, но заданный мне урок безсмысленно учил, как заведенная машина и чем больше повторял то, что я и без школы знал, тем больший туман скутывал мою голову. Я никак не мог понять, что собственно от меня требовалось и в совершенстве играя роль попугая, выкрикивая в сущности пустые, как мыльные пузыри, для меня звуки: „аз, буки, веди“ и т. д. Когда на первом же уроке я сказал: „дядинька, я це вже знаю“, то он дружески похлопал меня по плечу и сказал: „Нічого, учи ще, краще будеш знать. Будешь вкупі у Яцьком учиться, так треба!“. Но это „так треба“ не успокаивало меня, а только сбивало с толку, как непонятный фокус.

Между тем, с уходом учителя, учебная команда сразу же изменила способы изучения науки. Семен Ольховский, мальчик вообще несуразный, малый ростом и стремительный в движениях, повернулся спиною к столу и к книжке, и точно сообщая кому то в открытое окно важные вести, выкрикивал в кулак, как в трубу: „аз — ангел, архангел, буки-Бог, божество, Богородица!“. Самсон же, более спокойный, чем его брат и выше его ростом, ставши на лавку ногами и глядя сверху вниз на голову своего брата, старался с необыкновенной быстротою выкрикивать: „бра-вра-гра-дра!“, при чем звуки часто сливались и переходили в сплошное — ррра-рра-рра и заканчивались форменным рычаньем — рррр.

Петро Леурда, добродушный мальчик-толстячок, повторяя по нескольку раз последний слог в слове: „блажен“ — жен, жен, жен . . . муж-уж, уж, уж, иже-же, же, же — и при этом заливался самым веселым и беззаботным смехом.

Но особенно выделялся своими приемами обучения Яким Кушнир и Яцько. Яким высунул язык изо рта и, тыча в него пальцем, как бы сам себе пояснял: „ось язиці! ось язиці!“ Затем брал двумя пальцами свой высунутый из рта язык и, дергая его из стороны в сторону, прибавлял во всеуслышанье: „ось як шатаются язиці!“ Яцьку очень понравился этот способ изучения грамоты и он видоизменил его применительно к своему уроку. Взявши двумя пальцами левой руки за губу верхнюю, а двумя пальцами правой руки за нижнюю губу, Яцько попеременно передвигал губы в противоположные стороны, произнося в то же время: „аз, буки, веди“. Получались до того смешные и нелепые звуки, что все другие школьники перестали на время шалить, заинтересовавшись новою методою изучения грамотности.

Один я сидел понуря голову и уныло смотрел на окружающих и на их шалости. Мне было не до того. Совершенно неожиданно я был угнетен тем, на что в начале урока не обратил внимания. В почетном углу, под иконами, красовались пучки тех самых розг, которые мы принесли с кладбища. Тут же вблизи стояла чашка с крупною солью. На стенке, рядом на двух вколоченных в нее гвоздях висели увесистые линейки и ременная тройчатка. Что означали все эти предметы для школьника, я понимал, и, глядя на них, чувствовал, как ходили по моей спине мурашки.

Время шло. Учебная команда забавлялась уроками, как умела и все повидимому забыли про существование „дядиньки“. Вдруг двер отворилась и Харитон Захарович поймал на месте преступления расшалившуюся команду. Все сразу притихли. Старые школьники отодвинулись вглубь под образа, оставивши на конце стола двух нас — меня и Яцька. Харитон Захарович стоял некоторое время молча как будто, что-то соображая. Раньше я ни разу не видал его таким. Старый дьячок уже не крякал и не откашливался, но сосредоточенно поглаживал бороду. После я узнал, что такое состояние учителя носило название у старых учеников его „на последнем взводе“. Ходячее избитое выражение у казаков, означавшее, что Харитон Захарович изображал собою как бы заряженное ружье со взведенным курком. Стоило только слегка прикоснуться к собачке в ружейном замке, чтобы ружье выстрелило. Так было и в ту минуту. Выстрел не замедлил грянуть над нашими головами и выстрел оглушительный.

— Так ось як учите урокі! — начал Харитон Захарович заплетающимся языком, направляясь нетвердыми шагами к столу и, не долго думая, схватил Яцько за ухо, а меня за волосы, как ближайших у стола и, дергая обоих, стал качать нас из стороны в сторону, приговаривая: „учіться, учіться!“

Я и Яцько дружно завопили благим матом. Харитон Захарович, услышавши повидомому незнакомые ему еще голоса, оторопел и внимательно посмотрел на нас.

— Тьфу ти, нечиста сила! — плюнул он на пол — це ж Федька, а я думав Яким! — и Харитон Захарович окинул тусклым взглядом всех школьников — помилився — добавил он.

— Яким! — грозно покричал учитель — держи руку!

Яким протянул руку вверх ладонью.

— Петро! — продолжал учитель — бери лінейку и жарь його!

Петро снял лінейку с гвоздя и начал бить ею по ладони Якима.

— Раз, два-три — считал учитель удары, после каждого четко раздававшегося шлепка. После десяти ударов он сказал: „Довольно!“.

Петро опустил, повидимому не без задней мысли линейку под стол, а Яким все еще стоял с протянутою рукою и крупные слезы катились по его щекам.

— Теперь ты, Якиме, бери лінейку — приказал Харитон Захарович и стал искать глазами линейку. „Де лінейка?!“ — вспылил он.

— Ось вона! — быстро вынул из под стола линейку Петро.

— А! — промычал учитель — Ось?!... Яким! Отсчитай йому десеть, та ще десять за те, щоб не ховав лінейки“.

Произошла возмутительная сцена. Петро не выдержал даже первого десятка ударов и буквально зарыдал от боли. Я сам не замечал, как катились у меня слезы.

„Яким и Петро! Марш на сіль! — приказал Харитон Захарович, остановивши наказание Петра на тринадцатом ударе. Но стояние голыми коленями на резких кристаллах соли было не легче ударов линейки по ладони.

Яким и Петро взяли чашку соли, высыпали на лавку, подвернули холсты шаровар выше колен и стали голыми коленями на соль, молча с искаженными от режущей боли лицами.

— Ой, — шопотом говорил мне Яцько — тепер батя вже сам не свій, треба скоріше тікати. Проси його, щоб пустив нас на двір.

— Дяденька! — раздался в это время голос Семена — дозвольте мені вийти на двір.

— Підожди — оборвал его учитель. Одержиш, що требуеться, тоді і підеш на двір. Самсон! — обратился учитель к его брату — бери Семена за уши, а ти, Семене, бери за уші Самсона".

Братья стали друг против друга, схвативши один другого за уши, и молча стояли в таком положении несколько минут, ожидая приказания. Харитон Захарович ходил в это время по комнате и ерошил на голове волосы, но затем, повидимому, вспомнил что-то и коротко спросил: „Уже?".

— Вже! — ответили братья.

— Ну, теперь скубіть один другого за уші як слід, а то бить буду пригрозил учитель и придвинулся к ним ближе. Братья принялись за дело и скоро оба заревели. Боясь дядиньки, возле них стоявшего, они усердно стали „скубати" один другого.

— А тебе — обратился Харитон Захарович к Яцьку — я сам накажу и начал таскать его за уши. Яцько тоже поднял рев.

Прошло много лет с тех пор. Старый учитель около 50 лет покоится в сырой земле. Много раз потом, после расправы со школярами, я видел этого, без всякого для меня сомнения хорошего человека в ролях мирных и благородных, часто вспоминал я из его жизни случаи гуманного отношения к людям, неоднократно я был свидетелем, как здраво и справедливо оправдывал он или осуждал поступки людей хорошие и дурные, и каждый раз, когда я припоминаю прошлое, мне просто не верится, чтобы Харитон Захарович, этот справедливый, сер'езный и сердечный человек, мог совершать в своей команде те жестокости, свидетелем которых я был в первый день пребывания моего в школе.

Правда, он был тогда „на последнем взводе". Но и в трезвом виде, хотя и не так жестоко, как в пьяном, а все же драл за уши, ставил коленками на соль, стегал ременной тройчаткой, драл розгами и совершенно серьезно считал это полезным для дела и для маломыслящих детей. „Начало премудрости — говорил он по этому поводу — есть страх божий" — разумея, очевидно, под страхом божьим и страх наказания.

Такова сила недомыслия и ложных примитивных представлений о наказаниях.

— А тобі Яцько, шоб ти вчився і не балувався, ось що! И Харитон Захарович снова, во второй раз, схватил за уши Яцька и дергал его в разны стороны. Яцько, голосивший от боли, не выдержал и начал царапать ему руки. Тогда учитель, выпустивши сына из рук, снова стал молча сосредоточенно о чем то думать.

— Семен и Самсон шабаш! — крикнул он. Мальчики перестали драть другу уши.

— Петро и Яким, вставайте с соли! — раздался снова голос учителя. Петро и Яким встали на ноги, собрали соль снова в чашку и поставили ее на место.

— А ти! — обратился Харитон Захарович к Яцько — син мій единоутробный — и я научу тебе страху божому, щоб ти знав, чи можна бить і кусать батька! Затем он велел Якиму и Петру разложить Яцька прямо на столе и держать его за руки и ноги, а Семену поручил драть его теми самыми розгами, которые были пренесены с кладбища.

Произошла дикая сцена. Яцько кричал, кусался и всячески старался не даться в руки двум сильным школьникам. Но сила взяла свое. Послышался свист розг и дикое завывание Яцька. Я стоял ни живой ни мертвый. Я почему то совершенно был уверен, что после Яцька Харитон Захарович примется за меня, так как и я был новичок, которому, думал я, тоже потребуется внушить страх божий.

Тут уже и я пустился на хитрости", Дяденька" — обратился я к Харитону Захаровичу — „дозвольте мені вийти на двір!" Харитон Захарович посмотрел на меня и сказал сам себе: „Це Федька" и прибавил: „Ну, іди, та тільки не надовго".

Я уже был у двери, и лишь только переступил порог, как стремглав понесся через площадь прямо домой.

(Продолжение следует)

КАЗАКУ

Ты — сын степей. Донская грудь тебя вскормила
И нравом гордым одарила
Степного вольного орла. . .
Просторъ небес твоя — отрада,
А степь безбрежная — твой трон.
Орла там все страшатся взгляда,
И всяк помнит твой закон.
Мятежный дух не знает страха,
Гроза и бури твой покой,
Навстречу им из царства праха
Ты рвешься дерзкою мечтой.
Блеснув крылом в древной лазури,
Ты направляешь свой полет
В страну, где тьма, где злятся бури,
Где торжествует мрак и гнет. . .
Не слышо там клекота орлиного,
Они не режут небеса,
Не слыхать и зова былинного,
Шум и бранные голоса.

Но пусть гроза, пусть буря злится,
И мрак мешается с огнем —
Он шквала жизни не боится
И мыслит только об одном:

В оковах Дон. Бряцают цепи.
Покрылись мраком **небеса**.
Молчат курганы. Пустеют степи. . .
Лети — туда — грозе навстречу,

Любовь там к вольности буди,
Бросайся в **огонь** кровавой сечи. . .
Иль — погибни, иль — победи!

Д. Князев. Сливен Болгария.

Ник. Гулый

Восстание казаков на Таманском полуострове в мае 1918 года

(окончание)

Вопреки своему заявлению лейтенанту Гессе о том, что не смогу продержаться 48 часов, я все же продержался на месте двое суток. За это время в Старотитаровском отряде произошел перелом. Они замитинговали. Находясь сперва на одной линии со мной, а с другой стороны озеро Яновского, старотитаровцы оставили это место и верст 8—10 отошли в сторону Тамани, расположившись табором на горе „Карабетка". Старотитаровцев я знал, как лучший боевой материал, а что они замитинговали — тому совершенно не пришлось удвляться. Причины: во время их отхода со своих первых позиций они остались без командного состава. Начальник отряда, под'есаул Батыский „оторвался" от отряда и скрылся в камышах, не занимаемых „товарищами; еще несколько офицеров этого стряда куда-то улетучились; при отряде остались два хорунжих — Передистый и Демьяненко (оба из учителей), которые все свое пребывание в отряде использовали для разложения этого отряда, а в данный момент начали просто уговаривать казаков о сдаче большевикам. (Демьяненко разлагал казаков на о. Лемносе, побывал в Болгарии и Сербии и в 1923 году уехал в Совдепию).

Только один доблестный прапорщик Коваленко (впоследствии убит под Ставрополем въ 1919 году) и несколько урядников вели борьбу против агитации Передистого и Демьяненко, но, все-же, им не удалось предохранить отряд от разложения.

29 мая с утра „товарищи" опять повели наступлениъ на нас. Казаки вновь оказали исключительное сопротивление; среди них — оживление и уверенность в себя; на них влияло достойное поведение всех семи офицеров, состоявших в стряде. Лихо поработала наша батарея, сбив одну батарею красных и разогнав эскадрон, в котором несколько человек „товарищей" были сбиты шрапнелью с коней. Бой продолжался часа три и „товарищи" вновь отошли назад, понеся некоторые потери.

К вечеру того же дня все банды „товарищей", бродившие по станицам и хуторам, были согнаны на фронт для перехода в решительное наступление. Остановить это наступление у нас не было никакой физической возможности, но задерживать противника, по мере возможности, было необходимо, дабы продлить время, за которое немцы смогут собраться и придти к нам на помощь — так казалось нам, что немцы собираются.

Из штаба я получил распоряжение: с наступлением ночи отойти к Каменому мосту в направлении Тамани и занять позицию по балке на линии старотитаровцев, которые отошли с горы „Карабетка", ближе к Тамани и остановились на горе „Камендатской".

Оставив на горе „Шапаревой" конную заставу для наблюдения за противником и в двух верстах от моста пешую сотню сотника Савченко, я, к утру 30 мая, был у Каменого моста, в десяти верстах от Тамани. У Каменого моста от Таманского залива в лощине и по линии глубокой балки я занял позицию.

Занимая „Камендантскую" гору правее меня, старотитаровцы должны были свой правый фланг вытянуть до лимана „Цокур", правее их лежащего. Но старотитаровцы стояли табором на горе и отказались занимать позицию. Полковник Бедаков, начальник штаба, приезжал к ним уговаривать, но немного доставало, чтобы он был арестован и выдан большевикам. Все это происходило, главным образом, под влиянием вышеупомянутого Передистого, который выдачей офицеров задумал отыграться перед „товарищами". Вырвавшись от старотитаровцев, полковник Бедаков попал на Турецкий миноносец, ведший наблюдение у берега Тамани, чем, конечно, прочно гарантировал свою особу от всякой опасности.

В мое распоряжение опять прибыла Таманская сотня и несколько десятков пожилых казаков-добровольцев станицы Таманской. Перед вечером „товарищи" появились у нашей позиции. Сбив сотню, оставленную мною в заставе, они перешли в наступление.

Ожидая этого наступления, я через посланного офицера, просил старотитаровцев — поддержать нас хотя-бы артиллерией. Их 8 орудий, находившихся на высокой горе в скрытой позиции, могли бы прекрасно обстреливать всю лощину, по которой двигались большевики. Но и в этом старотитаровцы отказали мне, заявив, что стрелять не будут т. к. порешили сдаться большевикам.

Характерно то, что митинговые главари настаивали на сдаче большевикам в тот-же вечер (30 мая), но большая часть казаков настояла отложить сдачу до утра следующего дня, из расчета не повредить ахтанизовцам и, очевидно, играла роль и надежда, что в течение ночи может что-либо произойдет в лучшую сторону.

Наступление „товарищей" я остановил собственными силами, сам перейдя в контр-наступление, прогнал их назад за четыре версты от занимаемой мною позиции (хутора Воловиковы). Стемнело. Я отошел к мосту, на позицию.

Тут возникла настоятельная необходимость до утра оставить позицию и перевезти казаков в Крым, т. к. к этому времени большевики подтянут все свои силы, идущие вслед за мною, и мой отряд неминуемо будеть истреблен. Я снесся со штабом. Оттуда мне дали знать, что к утру „должны быть" плавучие средства для погрузки казаков, но я должен оставаться на позиции до распоряжения, которое должно последовать в течение ночи.

В получении плавучих средств штаб не был уверен (или просто врал), иначе, если бы штаб категорически заявил, что средства для погрузки будут, то старотитаровцы ни в коем случае не решили бы сдаваться большевикам. Так оно и вышло. Еще с вечера штаб имел в свем распоряжении параход „Вестник" и один баллиндер.

Ночью в штабе произошел инциндент. Туда явился сотник Передистый с партией казаков, набросился на полковника Перетятко, угрожал ему револьвером за то, что „подвел народ" и хотел арестовать его и увести с собой.

Но во всем случившемся, ведь, меньше всего

был виноват полковник Перетятко. Его, как сказано выше, пригласили на должность главнокомандующего после разоружения большевиков в начале мая, а не сам он ввязался в эту историю. Заняв пост командующего, этот честный и в высшей степена благородный офицер сделал все от него зависящее.

К моему тогда огорчению я не знал об этом инциденте, иначе мог бы послать от себя полусотню и арестовать самого Передистого, который со штаба уехал на „Камендантскую" гору, а в распоряжении полковника Перетятко, кроме растерявшихся штабных чинов, никого не было.

Прошло уже за полноч. а распоряжений из штаба об отходе к Тамани нет. Оставаться до утра и ввязываться в бой с большевиками означало обречь отряд на явное и бесполезное истребление, тем более, что со стороны старотитаровцев можно было ожидать всяких „сюрпризов" — шкурный вопрос на все мог повести людей.

В Таманской сотне, выделенной в мое распоряжение, появились такие словечки: „Треба переколоть ахтанизовцев, тогда выдадим офицеров товарищам". Все были нервны. Была заметна некоторая утечка казаков из отряда. Сбежал командир батареи сотник Волошин, на этот раз окончательно, сперва на косу Тузла, а оттуда на баркасе в Крым. Все это дурно влияло на казаков, однако они ничуть не выходили из повиновения и держались компактно.

В два часа ночи я получил из штаба разпоряжение об отходе к Тамани. Вытянув отряд, я приказал под'есаулу Яновскому вести его и остановиться под Таманью в имеющейся там глубокой балке и, не переходя мосты, ждать моего распоряжения. Сам я поехал в штаб за справками. При чем, Яновский должен был всеми мерами задержать в отряде Таманскую сотню, чтобы последняя не ушла в станицу, т. к. от этой сотни можно было ожидать всяких случайностей, с пагубными для нас последствиями.

На рассвете я под'езжал к Тамани и у пристани увидел один параход и один баллиндер. Дальше, за полверсты от берага, стоял миноносец. Под'езжая к расположению штаба (вблизи берега), я увидел, что параход до края переполнен людьми и сразу учел, что о погрузке отряда не могло быть и речи, за неимением места. В штабе я встретил полковника Перетятко и несколько человек штабних чинов. Кратко изложив обстановку, я просил полковника Перетятко немедленно ехать на параходе в Керчь, разгрузив там параход, прислать его обратно и взять на буксире баллиндер, который я просил оставить для погрузки отряда.

В штабе я узнал, что стоящий у берега миноносец — турецкий и что начальник штаба полковник Бедаков находится на миноносце. Раненые казаки (около 100 человек), о которых я беспокоился, оказались размещенными на параходе. С пленными же большевиками не знали что и делать. Пленных и караул над ними я предложил оставить в моем распоряжении.

Простившись с чинами штаба, я вернулся к отряду и попути под'ехал к амбарам, где находились пленные. Здесь я застал караул в таком состоянии, что он готов был разбежаться каждую минуту. Караул я подбодрил и успокоил тем, что еду сам обратно на фронт, оставил для связи бывших при мне конных казаков, приказал на всех дверях иметь замки, где их не было, и ждать моих распоряжений. Начальник караула был прекрасный подхорунжий Мищенко (ст. Старотитаровской), на которого я мог положиться.

Вернувшись к отряду, я застал его уже на месте, там, где было приказано остановиться (в 2-х верхстах от Тамани). При отряде было человек 60 старотитаровцев, ушедших от своих. Они заявили, что весь отряд мог бы быть здесь, если бы на что было погрузиться. В сторону большевиков уже не было видно ни одного беглеца. Это означало, что старотитаровцы уже в „об'ятиях товарищей".

Приказав отряду забрать пулеметы, замки от орудий, патроны и седла, я вытянул его по балке на берег залива в направлении пристани, для погрузки на баллиндер и силой увел с собой таманскую сотню. Путь следования моего отряда был совершенно скрыт от глаз „товарищей". Отряд удалось погрузить на баллиндер весь, переполнив его до отказа. Удалось поместить около пятисот человек казаков. Караул над пленными был снят и также погружен на баллиндер. Пленные остались под замками, чем на некоторое время были задержаны в амбарах. Если бы было три баллиндера, то можно было бы погрузить и старотитаровцев, если бы их было пять, то можно было бы забрать и пленных, которых было 2000 человек и которых необходимо было привлечь к ответственности за революционные художества" от начала „Великой и Бескровной". Правда, „лучшие дети революции", около 100 человек, за несколько дней были отправлены в Керчь, где полицмейстер г-н Буш их сохранил и возвратил в Тамань, когда там был организован военно-полевой суд.

Оставаться у пристани с погруженными людьми не было никакого расчета, т. к. прихода парахода, который мог взять нас на буксир, надо было ждать часа три, а за это время „товарищи" могли привалить к Тамани, а до этого нас могли расстрелять наши бывшие пленные, вооружившись винтовками, спрятанными у иногороднего населения и вообще оставшимися в станице.

Я расчитывал, что нас возьмет на буксир турецкий миноносец, но, из-за недостаточной глубины, он не мог подойти к пристани, или по каким-то иным соображениям отказался нас тянуть за собой.

Случайно совпало так, что от берега дул легкий ветер. Пришлось воспользоваться этим и отчалить от пристани. Надавливаемый ветром баллиндер стал медленно отходить от пристани. И поистине получилось: „Плыви мой челн по воле волн".

Из „экипажа" на баллиндере был старик грек, типичный „морской волк"; был пьян в доску и все ходил в кубрик „прикладываться". Этого грека сразу окрестили „капитаном".

Через пол-часа мы отплыли от берега на дальний ружейный выстрел. Тут наш „капитан" что-то заартачился, начал кричать, размахивать руками, тыкать пальцем в воду ... Все смеялись, не понимай что ему надо. Наконец, „капитан" растолкал казаков и бросил в воду якорь. Тогда только мы поняли, что дальше в заливе мелкие места, куда ожидаемый параход не сможет подойти к нам.

Скоро из баллиндера мы могли наблюдать движение большевиков. По площади двигалась пехота,

на „Комендатской“ горе растянулась конница. По этой коннице миноносец открыл огонь из дальнобойного орудия. Снаряды ложились хорошо и конница, повернув в сторону, быстро скрылась за горой.

Через некоторое время миноносец начал посылать снаряды по пехоте, идущей по лощине по над заливом. Возможно, что этот обстрел задержал движение большевиков, которые шли ощупью, что впоследствии дало возможность немцам высадиться в Тамани прежде, нежели заняли ее большевики.

Часам к одинадцати дня появился параход, который остановился в верстах двух от нас, а к нам подошел маленький моторный катер, с которого заявили, что капитан парахода, не зная обстановки, не рискует подходить ближе. Я поехал на параход. Там не хотели мне верить, что ничто пока не угрожает; тем более, что на возвышенности под станцией появилась упряжка с двумя орудиями, которые наводили в сторону моря: это таманские мужики хватили брошенные нами орудия без замков и ими пугали нас. Злые языки говорили, что они эти орудия сперва таскали по кузницам, чтобы исправить их и сделать годными к стрельбе.

Сперва просьбой, а потом угрозой я заставил капитана идти к баллиндеру и взять его на буксир. Едучи в Керчь, мы встретили длиный ряд небольших параходов, тянувших за собою по два, по три баллиндера. То был немецкий дессант. Часам к двум дня ст. Таманская была занята немцами, на окраине которой между ними и большевиками завязался бой.

На очистку полуострова немцы потратили две недели. Располагая богатым вооружением (аэропланы, броневики и пр.) немцы потеряли убитыми двух офицеров и тридцать семь солдат. Население станиц принимало трогательное участие в похоронах немцев в Ахтанизовской церковной ограде; немало было женских слез о чужеземных героях-избавителях. Наряду с немцами сражались и казаки, среди которых также были убитые, в том числе и штабс-капитан Чабанец, казак ст. Ахтанизовской; его мать сразу потеряла мужа и единственного сына.

Старотитаровцев, сдавшихся на „Комендантской“ горе, „товарищи“ пересортировали и четыреста человек угнали в Темрюк, за пределы полуострова, где они, до освобождения Кубани от большевиков, два с половиною месяца просидели в темрюкской тюрьме. Всех казаков (из разных станиц) в темрюкской тюрьме сидело около 800 человек.

Пришлые товарищи не раз пытались переколоть заключенных, но их яростно отстаивали темрючане, часть которых составляла охранные роты по мобилизации большевиков и самомобилизовавшихся. Темрюкское население защищало арестованных казаков из боязни расправы после ухода большевиков, что было неизбежно в виду высадки немцев. Трезвое население желало избежать кару за безрассудные казни большевиков.

Когда, вследствие появления передовых отрядов ген. Покровского, большевикам пришел час „драпат из Темрюка, то тюрьму охраняли роты из „буржуазного“ элемента. Но мало того — ее окружило пролетарское население обоего пола и разного возраста и казаков с трудом удалось отстоять от истребления их уходившими „товарищами“. В спасении казаков не малую роль сыграл местный торговец г. Левкович, по происхождению еврей, солдат мирного времени и участник Великой войны.

Так в стории гражданской войны на Тамани имел место маленький эпизод. Нисколько не будет преувеличением, если скажу, что этот эпизод сыграл огромную роль в развитии первоначальных успехов Добровольческой армии.

Восстание на Тамани произошло когда Добровольческая армия находилась в Донских степях и была в зачаточном состоянии. Как следствие восстания, Тамань была оккупирована немцами, которые образовали фронт на расстоянии 60 верст. Благодаря этому, втечение трех месяцев внимание большевиков на Кубани было приковано Таманским фронтом, что дало Добровольческой армии возможность пополнить свои ряды лишней сотней кубанских казаков, укрывавшихся от мобилизации немцев и своих таманцев.

Во время наступления Добровольческой армии на Кубань к Таманскому фронту было приковано 50 орудий и 2000 красноармейцев, а до прихода на Тамань немцев, казаки собственными силами вывели из строя главный большевицкий резерв, главный как по численности, так и по „революционым качествам.“

Все то, что было у большевиков на Тамани, могло быть увеличено вдвойне-втройне за счет Темрюка и самой Тамани и двинуто против тогда еще молочисленной Добровольческой армии. Да можно думать, что и стойкость большевиков, действовавших против Добровольческой армии была бы иная, если бы они у себя в тылу не имели немецкого фронта, которого они больше всего боялись, так как каждый день ожидали наступления немцев, не раз дававших им трепку, особенно при очистке полуострова.

Поэтому победоносное шествие Добровольческой армии на Кубани имело бы иной характер. Во время наступления Добровольческой армии на Кубань, ее правое крыло (г. Покровский) подкрепило Таманский полуостров высадкой на берегу Азовского моря (Ачуев) хорошо сформированной батареей, а вместе с нею было доставлено 1200 винтовок, 8 пулеметов и свыше сотни ящиков патронов.

От станицы Славянской и до Новороссийка эта батарея участвовала во всех боях в отряде ген. Покровского и впоследствии была названа 1-й Кубанской батареей. Из Тамани в Приморско-Ахтырской был высажен конный дивизион, который в Новороссийске вошел в состав отряда ген. Покровского и из своих рядов пополнил Кубанский гвардейский дивизион.

Образование Таманского фронта спасло в то время тысячи жизней казаков и „буржуев“ в ближайших к полуострову станицах и городах Анапе и Темрюке т. к. местные большевики, ежедневно ожидая наступления немцев, воздерживались от „углубления“ революции.

Во время наступления Добровольческой армии на Кубань, из портов Новороссийска, Сочи и др. на параходах баркасах массами уходили комиссары, матросы и всякий революционный сброд, уходивший с Кубани. На море часть этих беглецов вылавливали немцы и отправляли в Тамань для фильтрации,

в результате чего „углубителей и насадителей советского рая“ уменьшилось на 400 с лишним человек. Здесь были и „краса и гордость“ с миноносцев „Керчь“ и „Феодосий“, на которых истребляли офицеров Черноморского флота.

Восстание казаков на Тамани было первым во всей России, при чем произошло не под влиянием „начальства“ или какой-либо посторонней силы, а выявилось в самой рядовой массе казаков, что лишний раз подчеркивает, что борьба с большевиками носила народный характер.

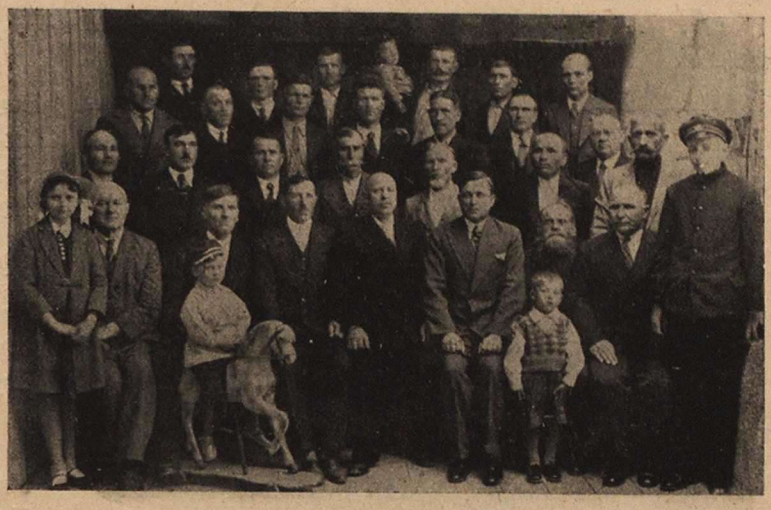
Перечисленые заслуги таманских казаков в белом движении нисколько не преувеличены. Это — неоспоримый факт. И этот факт как будто и должен был представлять одну из страниц истории борьбы с большевиками, а между тем он остался совершенно в тени.

Это произошло вследствие несправедливого отношения со стороны главного командования. В то время, как в Кубанских лесах и горах находились другие повстанческие отряды, находолись в лучших географических условиях, чем таманцы на окруженном морями голом полуострове, подвиги этих отрядов, зачастую заключались в отсиживании по горам (за искл. полк. Шкуро), а между тем об этих отрядах шумели, писали в газетах, докладывали в Раде, раздували подвиги, давали чины участникам. В то время, как о действиях на Тамани внимание было анулировано „непризнанием“ Таманской армии со стороны главного командования. Оно закрыло глаза на те жертвы жизнями, которые принесли таманцы, на те 50 орудий и 20000 большевиков, которые были на Таманском фронте и которые, во время наступления Добровольческой армии на Кубань, ушли с фронта деморализованной, не представлявшей серьезной силы толпой.

Главное командование только видело „тяжкий грех“ таманцев в том, что они впустили к себе немцев, не приняв во внимание того, что таманцы впустили немцев еще в то время, когда о Добровольческой армии на Тамани не было ни слуху ни духу.

По взятии Екатеринодара и по очистке от большевиков западной части Кубани, командованием был командирован на Тамань старый генерал Карцев (куб. каз), который даже не сказал казакам „спасибо“ за службу, а только сквозь слезы произнес: „Ах дети, дети! Зачем вы пустили немцев к себе? Ну, да Бог вас простит!“

Кроме вины таманцев за „союз“ с немцами, были еще и другие причины для непризнания Таманской армии. А именно: во время пребывания

Казачья станица в г. Стара-Загора Болгария.

немцев на Тамани, туда стали стекаться офицеры из районов занимаемых большевиками, а также из Крыма. После там образовалась группа „немецкой ориентации“, возглавляемая полковником Камянским и есаулом Горпищенко. Эта группа об’явила себя „Кубанским Правительством“, выпустила „дерзкую“ прокламацию против Атамана, Кубанского правительства и против Добровольческой армии, с призывом не подчиняться последним.

Прокламация была составлена от имени населения полуострова, ничего общего не имевшего ни с этими лицами, ни с их затеей. Эту прокламацию разбрасывали из немецких аэропланов за пределами полуострова. Впоследствии Камянский и Горпищенко были судимы в Екатеринодаре за „мятеж“ и лишены чинов и орденов. Другая причина та, что полковник Бедаков и несколько человек из тыловых героев должны были быть произведены в следующие чины, но помешали этому те же Камянский и Горпищенко, как знавшие истину положения. Остальные офицеры, в числе около десяти человек, действительные участники разоружения большевиков и действовавшие в боях против них, были молчаливо обойдены и никому не вздумалось вспомнить о них. Главному командованию не было времени разбираться в этой кутерьме и оно решило просто вычеркнуть участие Тамани в общем деле. От общественного мнения Таманский эпизод скоро был закрыт последующими событиями и чехардой „героев“, появившихся на сцене гражданской войны, и Тамань скоро изгладилась в памяти, не оставив за собой ни единого штриха в истории гражданской войны.

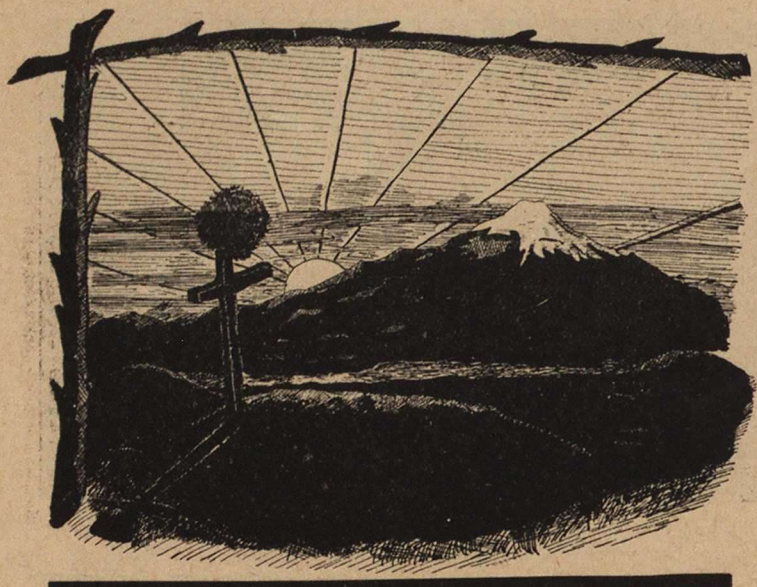
РАСПОРЯЖЕНИЕ по Вольно-казачьему Округу в Болгарии

Станичники, в интересех нашего Национального об’единения, в интересах взаимной материальной поддержки для нуждающихся и больных членов нашего Союза, а равно и для по ддержки, духовной, предлагаю считать обязательным для каждого члена организации взнести членские взносы за 1935-й год, согласно постановления первого и второго окружных с’ездов.

Помните братья о том, что мы прежде всего должны надеяться на себя, на свою сознательность проявляя жизнеспособность к выполнению казачьего долга. Выполняя это скромное постановление, мы этим покажем свою способность к жизни, к творчеству; способность выполнять непринужденную дисциплину, а это самый крепкий и верный залог к достижению той заветнои цели, к которой так рвутся наши сердца.

Лепта данная Вами, пойдет на Ваши же нужды... Есть наши братья без куска хлеба и им нужно помочь и не дать безпризорно погибнуть от голоду и холоду.

Слава Казачеству! Окружнои атаман: **Павел Кудинов**. Секретарь: **Федор Оболенский.**

Скорбная весть

В городе Видине, Болгария, 25 декабря 1935 г. скончался станичник, поэт

Иван Игнатьевичь Томаревский

Мир праху твоему соратник по борьбе за счастье Казакии.

Забросали землей твое бренное тело,
В мрак могилы сырой, опустив навсегда,
Но святое, тобою творимое Дѣло
Не умрет, не сокроется в гроб никогда!

Мы, живые, родные знамена,
Орошенныя кровью, казачьих борцов
До Кубани, до Терека, Дона
Донесем, долг исполнив отцов!

Памяти И. И. Томаревского

Еще один... Поэт отчизны бедной...
Смерть унесла безжалостно бойца,
Который, с лирою и песнею победной,
Шел Воли Шляхом до конца!..

Разсвет встает. Воскреснет Воля.
Нависшей хмары близок срок.
Шуми же Терек, что злая доля
Сгубила сына и он выпустил безвременно клинок...

И что, вдали от милых сердцу граней,
Угас с надеждой жгучею поэт,
Что песнь его в пылу грядущих браней
Не прозвучит быльем давно минувших лет...

Хотяб ушел, он всеж меж нами!..
В рядах бойцов пойдет могуч, незрим,
И там в Выси, меж звездными шляхами
Его в час жертвенный узрим.

Там в небе высоко растет умерших Лава
И скачет по шляхам непопранным конем.
Им путеводный знак — Казачая Булава.
Их взор горит решимостью — огнем...

Им всем, покинувшим печальной жизни круг,
Воскликнем громкое, казачье наше: „Слава!“
Чтоб всполошился в страхе вдруг
Враг, чуя что идет с небес Казачья Лава!..

Болгария **А. Тавлинцев**

Георгий Федоров.

Лабинская -- пятигорск

(окончание)

Пятигорским властям кубанские заложники совершенно не импонировали. Они, привыкшие к знати, не считали нас, простых смертных, достойными быть принесенными в жертву революции.

Я, хоть и офицер, тоже не произвел на них впечатления „ценного материала.“ Дрожащий от холода в своем прорванном, грязном, после двухмесячного валяния по тюремным полам, платье, де нельзя заросший неладною растительностью и завшивевший, в невозможнейшей серой солдатской папахе, настоящем „вшивом гнезде“, „вымененной“ у меня с головы конвойным красноармейцем на мою приличную кубанку, я совсем не имел вида „контр-революционера.“ К тому же я ужасно страдал от постоянных флюсов, до нельзя разнесших мою неприглядную физиономию. Подвязанный грязным тряпьем и с несчастным видом своей с детства „штатской“ фигуры, так и невыправленной на короткой военной службе, я больше походил на „товарища“, чем на офицера.

Мой брат, 18-летний юноша, выглядел куда приличнее. Он был кадет, щеголявший военной выправкой, безусый, безбородый и даже в своем изорванном и замазанном холщевом наряде скорее подходил под „контр-революционера“, если не деяниями, то по виду.

В результате такого распределения, я оказался в одной группе, а брат в другой. Эту последнюю группу отправили обратно в здание, а нашей группе было об'явлено что будем выпущены на волю и можем собираться в дорогу.

Эту неожиданность можно об'яснить во-первых переполненностью помещений заложниками, во-вторых — неудачным подбором всей нашей группы, в которой было много рядовых казаков. Отсутствие же станичных комиссаров способствовало тому, что в числе выпущенных оказались преимущественно старшие по возрасту и положению люди, как напр. полк. Соколов, старые казаки, а такие, как мой брат, были оставлены.

Все освобожденные, посоветовавшись между собой обратились с просьбой о выдаче документа, подтверждающего' что наша группа, перечисленная по фамилиям, действительно освобождена и что, мол, поэтому, местным властям не препятствовать возвращению нас домой. Получив такую бумагу на случай встречи с комиссарами, вывезшими нас с Кубани, стали собираться в обратный путь

Мое душевное состояние отравляло сознание, что бессилен помочь брату. Просьба об освобождении его была бы принята как дерзость с моей стороны по отно-

шению к большевицким заправилам, так как они совершенно игнорировали человека и все человеческое. Отрываться от группы и остаться в чужом городе без всяких документов и пристанища и ждать выяснения судьбы брата я не мог. Следовательно, хочешь не хочешь, должен был собираться с своей группой, подчиняясь судьбе.

Возвратившись в комнату, где находился перед этим, я начал свои недолгие сборы в дорогу.

— Ну что? Для чего вызывали вас? — поинтересовался узнать генерал.

— Там всю группу разделили на две части и одну из них, в которую попал я, выпускают, а брат попал в другую и должен остаться здесь — отвечал я.

На лице генерала выразилось недоумение.

— Почему-же это так вышло?

А Бог их знает. Я и сам не могу понять. Разделяли просто на глаз.

— Ну, что-ж . . . ваше счастье . . .

В этот же день, простившись с братом, генералом и его сыном, я в компании отправился на вокзал и уехал из. Пятигорска. На станции „Минеральные Воды" один из казаков, отправившись на вокзал за водой, случайно нарвался на „горбатого" жившего с компанией бежавших из станицы комиссаров в одном из вагонов. „Горбатый" сразу узнал в нем одного из заложников и, выпытав у него, что часть его жертв выпущена, пожаловал с ним к нашему вагону.

— Вы почему здесь? — был его вопрос.

— Потому что нас отпустили домой — ответил ему кто-то из наших.

— Этого быть не может!

— Если не верите, то вот бумага об этом.

— Какая бумага? Покажите!

Получив документ от того, у кого он хранился, „горбатый", видимо не вера своим глазам, торопливо просматривал его.

— Я об'являю вас моими заложниками — был его ответ. Спрятав наш пропускной документ в свой карман, он подозвал кого-то из „товарищей", поставил возле нас караул и сам отправился на станцию к начальнику. Следствием этого было то, что наш вагон был отцеплен из состава и присоединен к другому составу, в котором находились бежавшие власти нашей станицы.

— Опять влопались . . . И нужно было ходит за водой. Уж лучше сидели да не вылезали бы, не мозолили глаза. Того и смотри опять повезут в Пятигорск — ворчали казаки.

Так оно и случилось. Всех тех, кто не успел или не решился бежать из стоявшего на запасных путях нашего „арестантского" вагона, охранявшегося не с чрезмерной бдительностью, к вечеру другого дня привезли обратно в Пятигорск.

Лагерному начальству пришлось выдержать серьезную стычку с „волохатым" армянином за допущение ими „своевольства." Лагерное же начальство, в свою очеред, нападало на лабинского комиссара за „засаривание" лагеря социально безвредными элементами, доказывая, что им нет никакого дела до личных симпатий или антипатий к отдельным личностям заложников со стороны станичных властей.

В результате препирательств в денежных интервенций со стороны прибывших за некоторыми из заложников родственников были отпущены все простые казаки, а из интеллигенции и офицеров братья Захаровы, наши лабинские промышленники, ныне покойные.

Остальные офицеры, а в числе их и я, были помещены в подвальное помещение концентрационного лагеря „до рассмотрения дела". Но дела нашего так и не рассматривали, потому что никакого дела, собственно, не было. За несколько дней нашего сидения в подвале никто из лагерного или иного красного начальства к нам ни разу не заглянул. Судьба наша, наконец, решилась очень просто. Через пару дней, вечером, когда уже совсем смеркалось, нас выгнали из подвалов и присоединили к уже стоявшим на дворе знатным заложникам из верхнего этажа. Комиссары суетились и бегали, покрикивая на конвойных. Наконец подкатили грузовики. Всех нас в порядке выстроили, сделали перекличку и приказали садиться в грузовики. Конвойные толчками прикладов под держали приказание своего начальства и заключеные полезли занимат места. По тому, как власти нервничали (тогда еще не были так опытны), каждый из нас понял, что затевается что-то важное и недоброе. Но, все-же, никто, конечно, не представлял, размеров опасности, потому что они превосходили всякое нормальное воображение.

Я был в убийственном настроении. Голод, холод, вши, зубные боли, не прекращавшиеся целую неделю, довели меня до состоянии полной апатии. Я ничего почти не видел, не слышал и не понимал. Возможно, что как раз именно это мое отупелое состояние оказалось причиною того, что когда раздался приказ садиться в грузовики, я не поспешил занимат место, а равнодушно остался стоять на своем месте. Конвойные, которые „подсаживали" нас, видимо не обратили внимания на мой сугубо товарищейский вид. Одним словом, прежде чем я вышел из состояния оцепенения, грузовики шумно тронулись, и я остался один среди внезапно опустевшего двора. Только двое часовых стояли у ворот. Осмотревшись вокруг и не видя никого из начальства, я подошел к ним и спросил:

— А мне что делать?

— Часовой бросил взгляд на мой истерзанный вид и, не предполагая во мне „контру", грубо спросил:

— А ты чего сюда залез, мать твою!? . .

— Пошел вон, к . . .! — крикнул другой и, дав мне здоровый удар по шее. выбил за ворота. Его товарищ подкрепил приказание самым отборнейшим матом и двинул меня в спину прикладом.

Я, что называется, с треском вылител из лагеря и очутился на пустынной улице и побрел, сам не зная куда. Пошел просто куда глаза глянули. На мое счастье, меня встретила на улице жена одного из братьев Захаровых, выкупившая своего мужа и шурина у „волохатого", узнала и приютила у себя. На следующий день, рано утром, сев в порожний состав, поскорее выехали из Пятигорска подальше от греха.

В Минеральных водах в наш порожний состав село много красноармейцев, спешно отправлявшихся в направлении к Армавиру, откуда наступали белые. Нас они не тревожили и не обращали внимания, принимая очевидно за местных жителей, пользующихся случайным поездом.

Ночью, перед рассветом, когда мы находились в пути между станциями Коноково и Армавиром, поезд вдруг резко застопорил, так что от сильных тольчков все те, кто спал, пробудились, и состав застрял в пути. На рассвете послышались отдельные ружейные выстрелы, но скоро все стихло.

Никто из комиссаров не заглядывал к нам и, почувствовав невольно, что, быть может, последних уже нет, мы решили удрать в видневшееся в тумане какое-то селение, куда и отправились. Это оказалось селением Ольгинским, в верстах 12 от Армавира, все еще находящееся в руках большевиков.

Держась маленькой группой из нескольких человек, которую составляли Захаровы, полк. С., я и еще двое пожилых казаков, наших станичников, мы стали проситься по хатам, чтобы нас спрятали. В двух-трех из них нам отказали. Наши заверения, что мы не „товарище", не помогали. Только обойдя несколько дворов, нам удалось укрыться в одной хате, хозяйка которой, после некоторого колебания, смилостивилась. Страх ответственности за укрывательство „контр-революционеров" был вполне естественен. А мы были людьми неизвестными.

Просидев целый день никуда не выходя из хаты, в окна мы видели проезжавшие отдельные повозки и проходивших отдельных „товарищей", эвакуировавшихся через это село. К нашему счастью, никто из них в занимаемую нами хату не заглянул. И в течение следующего дня в селе было все тихо. так как даже местные жители предпочитали не показываться на улицу.

На третий день, утром, с улицы заглянула через окно в хату какаято физиономия и, заметив нас, сейчас же скрылась. Через несколько минут, этот же заглянувший вошел в хату в сопровождении другого, держа в руке наган.

— Вы кто такие?

Предстояла задача, что и как ответить. Хотя вошедший и был одет в казачью, черного цвета шубу, но никаких иных признаков, указывавших принадлежность его к „кадетам" не было. Никаких погон, какарды.

— Мы — с поезда, который шел на Армавир и остановился возле села. А ехали из Пятигорска, где были заложниками — отвечал один из нас.

— Так вы — кадеты?

— Мы там находились как заложники, а теперь едем домой, потому что освободили.

— Так это с того поезда, что мы захватили. Знаю. Пойдемте к хорунжему.

Тут-то мы уж вздохнули. Охотно пошли мы к командиру сотни и, придя к нему, раз'яснили — кто мы и как попали в селение.

Из разговора выяснилось, что хотя поезд и попал в руки кубанцев, но комиссаров в нем не нашли. Селение Ольгинское было оставлено большевиками без боя.

Получив документ, что мы — возвращающиеся домой бывшие у большевиков заложники, отправились на подводе в свою станицу.

Что касается брата, оставшегося в Пятигорске, то я долгое время ничего о нем не знал. Только значительно позже попал к нам в станицу один номер „Известий" Испол. Кома Пятигорского Совдепа, в котором был напечатан приказ высшей власти Северо-Кавказской республики ко дню первого юбилея годичного существования Сов. власти. В приказе этом, посвященном готовящемуся торжеству, говорилось, что Совнакорм постановил, в ознаменование годовщины революции, уничтожить врагов народа и советской власти, согласно приводимого ниже списка. Список начинался фамилиями Радко-Дмитриева и Рузского, а за ними следовало не то 68, не то 86 номеров с фамилиями, чинами и титулами заложников, о которых в приказе говорилось, что „постановление приведено в исполнение".

Середину списка занимала наша Лабинская группа и тут я увидил имя полковника Паулина, свое и моего брата против которого вместо титула скромно стояло: „казак." Горькими слезами залился я, читая этот список и приказ. Только случайно избежал я участи перечисленных в нем лиц и нисколько не приходилось сомневаться об участи моего бедного брата. Считали его погибшим мы все и долго не решались показать газету горевавшей по нем матери.

Только потом, в феврале 1919 года, когда я был уже в армии, совершенно неожиданно появился дома „воскресший из мертвых" брат, только один оставшийся в живых из всех увезенных в тот памятный предвечер на грузовиках из лагеря заложников.

На его долю выпали большие испытания. Он, попав в число обреченных, был переведен в подвал и вместе со всеми, увезен к пятигорскому кладбищу, у корого обычно стали производиться большевицкие расправы с своими жертвами.

Заложников группами выкликали по списку, подводили к глубокой канаве и рубили шашками, чтобы не делать лишнего шума. Дошла очередь и до нас. Моя фамилия стояла в списке, но меня — хорунжего Федорова — среди заложников не было. Большевики заподозрили что-то неладное, побег или что другое, и брата моего „пока" отставили в сторону, чтобы подвергнуть допросу.

Зверская „ликвидация врагов народа", когдл совершенно озверевшие „красногвардейци", весь обрызгавшись человеческой кровью, кого полосовали шашками до неузнаваемости, а кого недорубленным, полуживым сваливали в канаву под груду тел и кровавого месива, кончилась. Груду убитых кое как засыпали землей и приступили к моему брату.

— Где твой брат !?

— Не знаю.

— Брешешь (такой и сякой) говори — где брат !.. иначе на месте тебе будет конец.

Брат мой знал только одно, что меня еще раньше отпустили и больше мы с ним не встречались.

— Вы же сами его отпустили — отвечал он палачам.

Власти решили расследовать это дело и отвели брата обратно в подвал. Несколько раз его допрашивали, несколько раз ставили „к стенке" и проделывали процедуру расстрела, чтобы добиться у него признания, но брат мой знал только одно, что я был ими-же отпущен еще до расправы с заложниками.

В конце концов, нашлись какие письменные следы первого отпуска. Лабинских комиссаров никого в Пятигорске не было и брату, таки, удалось убедить большевиков, что он не офицер, а самый обыкновенный казак-малолеток. Он даже пустил в ход аргумент, что раз, мол, нашли возможным отпустить его брата, хорунжего, то держание его, мальчика, явное недоразумение и что он, как заложник, никакой ценности не представляет. После этих убеждений, выяснив окончательно справедливость его утверждений, брата отпустили на волю. Но этим его испытания не кончились.

Мы же все его считали погибшим и его страдающий вид долгие месяцы стоял у меня перед глазами, не давая мне покоя. Я все время мучился мыслью, что он погиб по недоразумению вместо меня, что я не был в состоянии ничем помочь ему.

Когда его выпустили из подвала, брат не решился пробраться домой через фронт. Он отправился во Владикавказ, где у него были приятели и знакомые с кадетских дней, надеясь там добыть денег, одежду, а потом кружным путем, через Грузию и Туапсе, пробраться на Кубань.

Во Владикавказе удалось ему найти работу по приготовлению маленьких зеркал и заработать деньги на дорогу. Вдвоем с товарищем они подговорили знакомого ингуша провести их тропами, в обход стоявших по Военно Грузинской дороге большевицких застав, а главное Джераховское укрепление недалеко от моста через Терек в „Чертовом ущельи", где уже были грузины.

Ночью они вышли в горы из станицы Тарской и там их знакомый ингуш, обобрав брата и его товарища, бросил на произвол судьбы. Грозила перспектива замерзнуть на незнакомых тропах или попасть в руки большевиков, что было не лучше смерти от руки абреков. Приятели вернулись во Владикавказ, бывший в это время рассадником тифозной эпидемии.

В городе сбилась теснимая с севера Красная армия, все громадные здания Кадетского корпуса были превращены в сыпнотифозный лазарет, откуда целыми возами вывозили на кладбище в общую могилу. Целых 18000 красноармейцев умерло здесь от тифа.

Оба они жили в большой, кем-то брошенной, квартире, сами ведя хозяйство. Товарищ брата слег раньше, а брат ухаживал за ним. Потом и сам слег. Лежали они оба одинокие в чужом большом пустом доме. Приятель брата умер, а брат, будучи сильнее организмом, перенес кризис.

В последние дни большевицкого владычества во Владикавказе красноармейцы, готовясь к походу в Грузию, рыскали по городу, разыскивая и реквизируя теплую одежу, а вернее, под этим предлогом, занимались просто грабежом населения.

Двое красноармейцев зашли в комнату, где лежал едва живой мой брат. Куча кой-какой одежи рядом с ним на стуле и на постеле обратила их внимание.

— Тоже подыхает, другой уже не дыхает — заметил один.

— Надо-ть забрать вещи, пригодятся — отвечал другой.

— Брось, дурной, видишь — помирает, сам заболешь.

— Ничерта — возразил его товарищ и забрал, все, что представляло еще какую-либо ценность.

— Прикончить што-ли буржуя ? — указывая на брата, спросил забравший вещи..

— Брось. Сам помрет ! — удерживал его товарищ.

Красногвардейцы удалились. Вслед затем раздался звон выбитого стекла и в комнату влетела, упав на постель, не разорвавшаяся ручная бомба.

— Ляти к . . . чортов буржуй ! — донесся голос забравшего вещи солдата.

Брат не был в состоянии даже подняться. Ему все равно угрожала смерть от голода и истошения. Его спасли казаки, в тот же день занявшие город. Они перенесли его в госпиталь, откуда, немного поправившись, отправился домой.

Только чудо спасло его. Наверно горячая материнская молитва хранила его. Зимою в летней изорванной одеже, полной вшей, едва прикрытый дырявой изорванной буркой, в развалившихся связанных проволкой военных ботинках, два дня ничего не евший, появился он вечером в передней своего дома.

Вышедшая на щум мать глазам своим не верила, увидя его зеленого, шатающегося на ногах, едва стоящего, держась за косяк двери. Это был не человек, а только тень молодого, раньше кипевшего здоровьем юноши. Живой мертвец, призрак стоял перед матерью, только накануне случайно нашедшей газету со списком казненных станичников.

Брата отходили. Еще через месяц, произведенный в офицеры, уезжал он в пластунский батальон, но не в добрый час. Во время последних боев на Кубани их батальон был отрезан под Святым Крестом и брат пропал без вести.

„Осознание межнационально-политических необходимостей есть явление высшего политического понимания".

М. Шаповал

К. М. Киреев

К истории восстания верхнедонцов в 1919 г.

(Окончание)

Ночью все красные ушли на заставу и мы остались сами. Погасили огонь и я начинаю распрашивать про жизнь. В 11 часов ночи кто-то стучит в дверь. Мы подумали, что это кто нибудь из постояльцев с заставы и отворили. Входит тот комиссар, который привел меня. Зажгли огонь. Спрашивает: „Вы улеглись спать?“ Я говорю: „Да“. „Так вставайте, едем в станицу в штаб“. „Ну— думаю--так!... Вы же товарищ говорили и на плаху голову клали, что вы доставите меня завтра на заставу, а теперь расстреливать ведете? „Как расстреливать? Ничего подобного! Наш главный штаб желает с вами говорить“. Я отвечаю ему: „Знаю, какой разговор бывает с нашим братом в 12 часов ночи“. „Да оставьте глупости и убирайтесь живее!“ — кричит уже комиссар.

Константин Мих. Киреев
Казак станицы Боковской Верхне-Донского окр. Активный участник восстание верхне-Донцов

Наконец я готов. Жена, сноха и внучки плачут. Комиссар кричит на них: „Что вы плачете?! Сейчас же приедем обратно!“ Тогда жена говорит мне: „Скажи ему — и я поеду с тобой, посмотрю, может быть, последний раз — что с тобой будут делать“. Я передаю комиссару, что вот, мол, жена желает вместе поехать. Он помолчал немного и говорит: „Пусть едет“.

Выходим на двор. У крыльца стоит запряженная тачанка и восемь человек верховых, как конвой. Ночь была темная и накрапывал дождь. Приехали в станицу в 12 часов ночи. В штабе ни одной души не оказалось. Поехали на квартиру к одному из комиссаров. Разбудили его и мой комиссар докладывает. Тот отвечает, что не знает — зачемь вас сюда и вызвали, и посылает к начальнику дивизии. Пошли к этому и стучимся. Раздается голос: „Кто там!?“ „Комиссар Игнатьев“! — отвечает мой. „Что нужно?“ „Куда прикажете казачьего делегата девать? „Не знаешь куда девают?... В штаб, а ты пустил его к жене ночевать; он высмотрит все, а там ночью нагрянут и вырежут вас всех!“

Игнатьев отвечает ему: „Я завтра должен к десяти часам доставить его обратно на заставу“. Тот кричит из комнаты: „Не на заставу, а он у нас останется заложником!“ „Не забудьте, товарищ, я оставил за него там двух наших заложников.“ Начальник дивизии помолчал и говорит: „Ну, после переговоров доставь его на заставу“. Мы с женой, конечно, стоим и молча слушаем их разговор.

Вернулись опять к тому-же комиссару ночевать. Их двое в одной комнате. Дают нам одну кровать. Один говорит: „Есть отдельная комната, может быть, там ляжете, хотя там нет кровати“. Я говорю, что отдельно ляжем. Тогда бросают нам одеяла, подушки, шинели и мы собираемся спать в отдельной команте. Тут наш комиссар спрашивает хозяина — во сколько часов собирается штаб? Ему отвечают, что к часам девяти. „Да к девяти часам мы и из хутора приедем!“ — говорит наш комиссар. „Конечно, приедете“ — отвечают ему. Тогда Игнатьев раздумывает и приказывает нам обратно садиться на тачанку и мы поехали домой.

На этот раз домой он меня уже не пустил, а привез к себе. Здесь было много красных и все спали обутые, одетые с винтовками при себе. Думаю себе: „Научили вас, чертей, в тылу одетыми спать!“ Жена моя пошла домой, а я остался у комиссара.

Утром конвоирует меня красноармеец в мой дом, чтобы я взял своего коня, а во дворе моем уже полно баб и красных. Одна барыня, землевладелица нашего хутора, пришла и тихонько мне говорит: „И зачем вы приехали, вас не пустят, а расстреляют“. Я говорю о заложниках. „Да что за вас эти два мужичонка“ — продолжает баба. Настроение мое падает. „На самом деле — думаю — солдат у них много, а я, все-же, командное лицо“. Но виду не подаю и весело разговариваю с односумьями.

Надо заметить, что перед этим, дня за два, на толоке нашего хутора, около одного большого яра, был бой. В этом бою мы подбили у красных 9 коней и казаки, под пулеметным огнем, посняли с них седла. Тогда же вечером, вернувшись в хутор, красные хвастались, что под тем яром они побили всю сотню нашего хутора и что ни один живым не вернулся назад. Поэтому жены наших казаков усиленно добивались, чтобы я сказал им правду — когда кого убили, что бы знать когда поминать. Я им громко говорю, что мы в тот день девять лошадей убили у красных, два пулемета забрали, а у нас ни один не был даже ранен. Красные молчат.

Подзакусил я дома, взял коня, винтовку, шашку и, сказав своим, что к 12-ти часам вернемся из станицы, заедем к комиссару и меня поведут на заставу, и вы меня можете еще раз увидеть, поехал под конвоем к комиссару.

В 9 часов приезжаем в штаб, где нас уже ждали. В комнате сидело 16 человек главковерхов; по виду все интеллигенты. Когда я вошел, все встали и по очерди подходят ко мне и жмут руку. Затем начинает говорить главный из них:

— Почему казаки восстали и на кого надеются?

Я твердо сжал почему-то головку шашки левой рукой и еще туже винтовку в правой и смело отвечаю:

— Вы сами заставили нас восставать. Когда

входили в нашу станицу, так вас встречали с хлебом — солью. А через три дня вы начали арестовывать и расстреливать самых порядочных и честных казаков. За короткое время в Казанской станице вы расстреляли 360 казаков, в Мигулинской еще больше, в Вешенской до 500 человек в Дон под лед пустили, в нашей маленькой станице 140 казаков расстреляли. Нам ясно стало, что ни один казак не гарантирован, что его сегодня ночью не возьмут и не расстреляют. Вот почему все поголовно восстали. Каждый из нас решил: „Хот умирать, так с честью, с оружием в руках.

— А где же вы оружие набрали, ведь вы все-винтовки сдали товарищам?

— Каждый казак за время войны приходил в отпуск по два по три раза. Каждый раз приезжал с винтовкой, а возвращался без нее. Когда вы потребовали сдачи оружия, они по одной винтовке вам сдали, а по одной, по две оставили, на всякий случай, у себя. Вот они и пригодились — отвечаю им откровенно, чтобы они не считали казаков дураками.

— А на кого вы надеетесь? — спрашивает старший.

— На самих себя. Мы, восставшие, знаем, что с нами будет, если вы победите, а потому один на десять, или десять на сто для восставших ничего не значить, потому как — все равно и так и этак побьют.

Дальше начинают спрашивать, что же вы, мол, раньше говорили, что без офицеров никак нельзя, а теперь обходитесь без них, да еще как, приходится перед вами отступать. Подымается общий смех. Дальше задает такой вопрос:

— Почему вы каждый раз, когда мы наступаем, отступаете за Подгрушинскую гору? Я им отвечаю:

— Потому что, дойдя до этой горки, одну сотню мы оставляем на позиции, а другую пущаем по удобным балкам, которые красным неизвестны, в тыл. Когда эта сотня появляется у вас в тылу, у вас начинается поника и наша позиционная сотня начинает наседать на вас и забирать пулеметы и подводы с патронами. Уже 7-й раз это повторяется.

Красные командиры качают головами и усмехаются.

Потом главный начинает говорить — на каких условиях желаете с нами помириться. Я вынимаю записную книжку и начинаю записывать его условия:

„Первым долгом, по случаю нашего перехода на левую сторону Дона, чтобы в Вешенской все камяги были в полном нашем распоряжении; бои сейчас же прекращаются; наступать не должны обе стороны". Для того же, чтобы предотвратить те беспорядки, на какие я им указывал, предполагалось оставлять в каждой станице по 50 вооруженных красноармейцев и казаков, а в хуторах по 25.

На эти его условия я ответил, что не уполномочен заключать с красным командованием окончательное соглашение, а обязан выслушать, вернуться и доложить полку, который и обсудит условия советской стороны и даст ответ.

После моего ответа совет главковерхов желает мне счастливого пути и я, в окружении 13 конвойных, выехал в хутор. Мое возвращение опять ожидало множество местных женщин. Казаков тут не было. Все они были среди восставших...

Скоро выехали на заставу. Здесь случилось маленькое недоразумение. Послали казака, чтобы большевицких заложников доставили на заставу для обмена. А казак перепутал и передал, что нужно выслать еще делегатов. Сотни выслали вчерашних делегатов. А от полка до заставы 6 верст! Когда на заставе разобрались в путанице, послали вторично за заложниками. Время, таким образом, тянется ненормально долго. Комиссар ждет на казачьей заставе своих заложников, а эти двенадцать красноармейцев, которые окружают меня на большевицкой заставе, начинают волноваться. Они решают, что казаки их заложников и комиссара убили и решаются со мной проделать то же самое. Мои уверения, что их заложники должны быть живы, не действуют. Положение начинало принимать скверный оборот. Как раз в это время вся наша застава выезжает на курган, сопровождая комиссара и большевицких заложников.

Когда обе заставы с'ехались, я поспешил присоединиться к своим и тут только облегченно вздохнул.

На другой день, вместо ответа на большевицкие условия, мы пошли в бой, так как наши на других участках перешли в наступление.

В первой половине мая мы только отбивались, а во второй половине мая красных навалилась на нас такая масса, что мы уже принуждены были отступать.

Вечер 18 мая, после сильного дождя, был прохладный. Наш отряд, во главе с начальником дивизии Ермаковым, отошел на бугор, что около хутора Ясеновки. Большевики взяли нас в дугу т. е. их фланги упирались в Дон (правый у ст. Усть-Медведицкой, а левый у ст. Казанской) и они стали нас сжимать к Дону.

Появились частные слухи, что генерал Секретев идет к нам на присоединение, что дошел уже до села Дегтево и повернул назад. Хочется, конечно верить, но на душе у каждого сомнение. Оказывается, действительно так и было. Секретев выбил большевиков из Миллерова и дошел до Дегтева, а большевики опять заняли Миллерово. Секретев пошел к нам. Поэтому наше соединение затянулось.

18 май стоим до сумерек на Ясеновском бугре. Большевики из далекого расстояния обстреливают нас с трех сторон, но безрезультатно.

Собрался совет и стали обсуждать — что делать? Пробивать большевицкую цепь и идти на соединение с Секретевым, но точно не знаем — в каком он направлении от нас идет, а кроме того, не уверены в то, что он дошел уже до Дегтева. Решили отступать за Дон и держаться на новых позициях.

Была темная ночь; накрапывал мелкий дождь. Отряд тронулся по направлению к Дону, к хутору Токину. Там наше командование распределило где каким сотням переправляться и какие занимать участки. Здесь же была и Токинская сотня. Токинцы сказали своим семьям — в каком мы положении находимся. Когда отряд тронулся из хутора Токина к Дону для переправы, все население — старики, женщины и дети — вышло провожать нас. Плачь и стоны щемили душу. Темнота и вся обстановка угнетала нас. Это был момент тяжелого кошмара. Отряд молчит, как немой. Никаких раз-

говоров, никаких шуток. Только позвякивают в темноте стремяна, да пофыркивают кони.

Нашей сотне досталась переправа у Нижнего Громка. Прибыв туда ночью спрашиваем у хуторского атама относительно средств переправы. Оказывается, приготовлено 7 надежных лодок и готовы деды-гребцы. Ведя коней в поводу, подтягиваемся к „пристани". В темноте раздается команда: „Первый взвод, седла долой, бросайте их в лодки, туда же и шинели, шапки, винтовки, а сами с коньми вплынь!".

Живо сняли седла, побросали в лодки все лишнее, перекрестились, и я с первым взводом поплыл. Долго тянутся минуты плавания по полому Дону в ночной темноте! Наконец приплыли к другому берегу — наплыли на крутой яр, до самого берега глубина и выбраться нет никакой возможности. И быстрина здесь, как на зло, сильная. Пришлось саженей 50 вдоль берега плыть по течению, пока кони не ухватились ногами за дно и стали выбрасываться на берег. Между тем занялась заря. Открылось розоватое зеркало Дона и ломанная черная линия по нем плывущих лошадей и казаков. Незабываемый был момент и незабываемая картина!

К восходу солнца уже вся сотня была на этом берегу. Только три коня не пошли в воду. Хорошие были кони, так они и достались большевикам. Вся наша сотня в 280 человек благополучно переправилась.

Переправившись, сейчас же весь берег охватили окопами и так замаскировали зеленью, что со стороны красных совершенно ничего не могли подозревать. С этого дня начался новый этап борьбы верхнедонцов.

Между 19 и 25-м мая (ст. стиля) красные во многих местах пытались переправиться через Дон, но их так каждый раз встречали, что немного их возвращалось обратно. В течение этого периода времени нашему главному командованию (П. Н. Кудинову) пришлось много поработать, чтобы удержать фронт. Наше командование не ограничивалось отражением красных при их попытках переправиться, но активностью с нашей стороны парализовало активность их.

В эти дни наш полк был переброшен на участок выше станицы Казанской, где перешли границу Дона у слободы Воронежской губернии. В одном из сел захватили спящих комиссаров и с 7-ю покончили на месте. Там же мы взяли 6 бричек груженых мукою в небольших мешочках с уже надписанными адресами для отправки по железной дороге в Москву, как гостинец красноармейцев с Дона. Эти мешочки с казачьею мукою мы отправили в станицу Вешенскую.

К 25-му мая наша сотня стояла в хуторе Еренском Вешенской станицы. И вот мы получили известие, что в станице Казанской, восставшие в 2 часа дня соединились с донской конницей генерала Секретева. Были сомнения, но к ночи слух подтвердился.

Радостям нашим не было конца. Вступив в неравный и смертельный бой с во много раз сильнейшим и многочисленным врагом, мы вышли из положения. Верхнедонским восстанием, умелым руководством командования восставшими было спасено много десятков тысяч казачьих жизней. Мало этого — наше восстание на долго приковало вокруг себя большие красные силы, которые должны были двигаться на Новочеркасск, и парализовало деятельность большевицкого фронта.

27-го мая генерал Секретев уже был в станице Вешенской. После торжественного молебна и ободряющих речей, мы обратно вплавь переправились через Дон у хутора Рыбинска и, получив по 300 патронов, пошли наступать на ст. Уст-Медведицкую.

Так как наш хутор все четыре месяца находился в руках красных и казачьи хозяйства были ограблены дочиста, то мы просили отпуски по 10 человек одновременно на 15 дней. Я попал в первую группу и уехал в отпуск. В это время Донской Атаман отдал приказ, чтобы всем, кто старше 45 лет вернуться по домам. На фронте оставались от 45 лет и ниже. Мне же было уже 49. Поэтому я уже больше на фронт не вернулся. Кроме того, по ст. 14-й Донской Конституци, как член Войского Круга я не подлежал мобилизации.

Вернулся домой, а дома — ничего, ни в амбаре, ни на гумне. Только и осталось что 5 коров, которые были розданы на хранение по бедным соседям. Гулевая скотина была вся вырезана, быки и кони угнаны. Пришлось целый месяц ездить и собирать. Собрал только пару быков на перекосяк. Таким образом, из самого богатого хозяина в станице, я стал бедняком.

Посев в нашем хуторе при большевиках производился на коммунистических началах. В один день вывезли из моих амбаров 35 бричек пшеницы и засеяли без разбору все запаханные полосы. Как на грех, на мои земли не попало ни зерна. А правительство наше сделало такое чисто соломоновское распоряжение: „На чьих землях засеяно, те и пользуются урожаем". Таким образом и тут обрезало по мне, хотя чуть ли не половина хуторских паев было засеяно именно моим зерном!

Но мои хуторяне сами внесли коррективы в правителственное мудрое распоряжение и сообща выделили мне хлеб. Урожай в том году был небывалый.

27 сентября 1919 года я выехал из дому в Новочеркасск на очередную сессию Большого Войскового Круга. Круг 1 декабря был распущен, но возвращаться в свой хутор мне уже не пришлось. Наш округ опять был в руках красных.

Окружному Атаману Казаков Националистов в Болгарии.

8-го ноября 1935 года в гор. Сливене состоялось торжественно открытие памятника сливенскому воеводе Хаджи-Димитрию. По случаю этого торжества, из разных концов Болгарии, прибыло до 30,000 гостей. Мы, казаки, живущие в Сливене, отъ имени казаков-националистов, тоже приняли участие в этом грандиозном чествовании национального борца возложением на п'едестал памятника нашего венка.

Акт наш не остался незамеченным. Русские и „русские казаки" возмущались тем, что венок не возложен от имени „русских".

(Соб. кор.).

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Шалвур Ниминов

Честь атаманская

Два ведра водки и чувал тараней выставил станичный лавочник мужик Сидоров, когда К-кий станичный сбор вынес приговор о принятии его в казаки „за многие полезные обчеству дела и многолетнее сажительство в станице, при безпорочном поведении".

— Пей, станичник, не жалей! На всех хватит и мне останется! — кричал радостно возбужденый Сидоров.

— Правильно, ставь-не скупись!.. На казачьих хлебах человеком стал. Больше пая не пропьешь! — острили казаки . . .

Давно не было в К-ой такого гульбища! Начали с двух ведер, а остановились только на четвертом, да и то потому, что некому стало разносить, некому пить и некому дальше заказывать. Не толыко весь сбор и станичная администрация, сидельцы, но и всякий, кто хотел, перепился в тот день.

С тягучими песнями, с головоломными зигзагами, а кто и просто ползком, расходились казаки со двора станичного правления по домам.

Дорого стала эта „мойка лампас" мужику Сидорову, но не дешево она обошлась и казаку Михею Бредухину. Слава у Михея и до этого была: дурачком он слыл, хоть ума был обыкновенного и, кроме приверженности к питию, никаких пороков не имел. А после мойки сидоровых лампас прилипло к Михею новое, более обидное прозвище.

В тот день Михей не добрался до своего куреня. Предательские ноги, потерявшие где-то чирики и оставшиеся в одних белых грубых шерстяных чулках, не понесли его дальше соседского забора и заставили слечь в тени акаций на темнозеленом ковре гусыни.

Все было бы ничего. если не проклятый соседский боров. Набредши на бесчувственное тело Михея, любопытное животное стало тыкать в него пятачком и, мирно похрюкивая, катать его по земле словно под Михеем таились для него какие-то лакомства.

Беспомощный Михей, время от времени, слабо возражал:

— Бабка, а-бабка . . . не турсучь мине . . . оставь . . . дай испить . . . Неизвестно, кто виноват — боров или Михей, но когда жена Михея разыскала мужа и растолкала его, то он весь был в грязи и мокрый.

— Михей мокрый! . . Михей мокрый! — загалдели окружившие их задорные казачата и навсегда прикрепили за ним новое популярное прозвище, заменившее скоро ему фамилию.

Казак-выросток Александр Бредухин был не в отца. И ростом статен, и обличьем красавец, и песельник голосистый, танцор и наездник лихой — по всем статьям был завидным парнем во всей К-ой. Но дурная слава отца и бедность двора давили Александра.

— Яблоко от яблони не далеко откотитца — говаривали старики.

— За сына Михея Мокрова ни за что не пойду! — резали девицы.

— Усе равно, не будет с тибе харошай казак, в Михея Мокрова и пойдешь — обижали его сверстники.

И твердое решение в своем полодом сердце принял Александр Бредухин: „Докажу всем, что я — лучший казак. Урядником из полка вернусь, первым человеком в станице стану, станичным атаманом буду" — дал он себе крепкое слово.

Уже на лагерном сборе молодых казаков Александр Брсдухин показал себя молодцом. Рубил, колол и стрелял отлично. Смело джигитовал. Как бойко грамотный, и в словесности был толков.

После лагерей одногодки уже перестали укорять его Михеем Мокрым. А как вышел он в Атаманский полк, да учебную команду прошел, урядником стал и двое призовых часов получил, лучшим казаком в полку стал Александр Бредухин.

Вернувшись с действительной старшим урядником, атаманец Бредухин стал в К-ой пользоваться почетом и уважением станичников. Хоть и в летах трошки, нашлась и девица, пожелавшая стать женою атаманца-красавца. Все, как будто, шло хорошо в жизни Бредухина, но главная цель, гвоздем засевшая в мозгу с молодых лет, еще не была достигнута. Он метил в атаманы станичные.

В 28 лет он первый раз баллотировался. Но „Михей Мокрый" и тут его подвел. В предвыборной кампании, сторона конкурента пустила в ход непопулярность отца Александра, высмеяла его немногих сторонников. На выборах старики прокатили Бредухина „на вороных".

Пуще прежнего сжал челюсти Бредухин и стал готовиться к будущему выбору через три года. Но нагрянула война, и урядник Бредухин выступил в полк.

* * *

Бурлили и кипели в страстных спорах донские станицы в осень 1917 года: Сыновья-фронтовики расходились в думах с отцами по казачьему вопросу. Из К-ик фронтовиков только подхорунжий Бредухин был со стариками ярым врагов большевизма.

— Гляди-ка, умнее Ляксандры Брядухина среди хронтовиков и нет. Вот табе и Михей Мокрый!.. Царство ему небесное, харошева казака вырастил — стали говорить старики.

А когда после нового года наступили выборы нового К-го станичного атамана, пожилые казаки, как один. стали за Бредухина и никакие могарычи не трогали их. Когда же на поддержку фронтови-

ков выступили местные мужики, то и все казачки стали за Бредухина, об'единившись со стариками.

Неслыханным образом шумел и гудел всенародный станичный сбор в К-ой, разделившись на два лагеря. Победила на этот раз сторона Бредухина, и он стал атаманом. Большая мечта, овладевшая им с молодых лет, осуществилась. Оставалось ему с честью прослужит срок.

Но в бедовое время он стал атаманом. Взбулгаченный океан все валил новые и новые громады волн. Рушилось все сверху до низу в великой стране.

Организовав местные силы, об'единившись с соседними станицами, очистил свой район от красной власти атаман Бредухин и передал силы в рукы офицеров. Ширилась и росла слава К-го атамана. Но многолик был враг казачий. Вокруг станиц пошли длительные бои.

Наступил однажды временный перелом в пользу большевиков. Красные батальоны тесным кольцом стали сжимать станицу К. Казачьи сотни стали покидать станицу. Для Бредухина настал мучительный момент: „Уйти ли ему с отступающими, женщинами и детьми?“

Станичник, командир сотни, говорил:

— К утру красные займут станицу. Тебя, атаман, повесят первым. Мы отступаем не на долго. Дождемся подхода новых сил и через неделю займен станицу обратно, и ты будешь опять атаманить. Зачем зря погибать? . .

— Атаман Бредухин тяжело вздыхал и молчал. Наконец он спросил:

— Ты, ваше благородие, скажи мне — почему это Каледин не ушел из Новочеркасска в Степной Поход с Поповым? . .

— Видишь ли, Каледин был Войсковой Атаман. Он думал, что честь войска не позволяет ему бросать столицу и бежать перед мужиками . . .

— Ну, брат, так и я дорожу своей атаманской честью. Не желаю и я марать ее. Ты подумай только, что старики наши скажуть! „Выбрали сына Михея Мокраго, вот и подвел, иначе не могло и быть. Бросил атаман станицу и утек из опаски!“ . . . Нет, не приму я на себя такой позор...

Ранним мартовским утром затарахтел по станице пулемет. Красный раз'езд в десяток коней, при одном пулемете на тачанке, под'ехал к станичному правлению.

Димитрий Федоровичь Князев
Атаман Национ. Казак. стан. в г. Сливине. Казак станицы Раздорской В. В. Д.

Как только красноармейцы гурьбой бросились к станичному правлению, в дверях его показался рослый красавец в мундире атаманского полка с полным бантом Георгиевских крестов, в погонах подхорунжего, с атаманской насекой в одной руке, с наганом в другой.

Не успели красноармейцы поднять винтовки, как загремели в упор им выстрелы атамана . . .

Не даром продал свою жизнь в К-ий станичный атаман Александр Бредухин.

Если весь Дон будет помнить гордость Атамана Алексея Каледина, то К-ая станица не забудет своего атамана Александра Бредухина. От деда к внуку будеть переходить легенда о нем, дороже жизни посчитавшем честь атаманскую.

1935 года.

Ив. Колесов

* * *

Это там, у нас, теперь Хопер разлился,
Окоемы в воду окунув
Дуб подмытый с яру наклонился
Над равниной водною уснув.
Дремлют вербы мреющей грядой,
Заглядевшись в призрачный мираж,
Зеленеют сонные левады . . .
А равнина вод . . . одна и та-ж!
Та-ж, что прежде, в молодые годы,
В годы бурных огневых зарниц,
Промелькнули дни те в вое непогоды,
Зачадились дымом выжженных станиц.
На Хопре все то же, тот — же скрип уключин,
Та-же ширь речная, та-же синь небес
И метнувши лугу ряд своих излучин,
Режет гладь стальная задремавший лес . . .

1931 Пюнь. (Из сборника стих и разказов).

Иван Томаревский

* * *

Медленно дело священной Свободы
Движется нами за гранью вперед;
Ищем мы то, что за прошлые годы
Видел воочью Казачий Народ.

Медленной сапой, но движется верно
Дело чести и воли былой . . .
Есть еще люди, что служат примерно
Цели народной, заветно — святой.

Ими найдется потомству Свобода,
Казачья держава в грядущие дни;
Честью великой родного народа
Будут во веки они почтены.

С. Макеев

На следствии

(Из книги: „Невозвратное Прошлое.“)

В имении великого князя Михаила Николаевича — на Кубани, браконьеры убили егаря.

Атаман Майкопского Отдела, в районе которого находилось княжеское имение, командировал полковника Зиньченко и хорунжего Никитина со взводом казаков для производства следствия.

Проехав ряд горных станиц и аулов, полковник со своим конвоем добрался до места назначения. В охотничьем замке из августейших особ в то время никого не было, а потому держаться можно было сравнительно „вольно и свободно.“

Полковник и хорунжий зашли к управляющему закусить с дороги, а казаки завели на конюшню лошадей, расседлали, положили сена и рассыпались по имению любоваться дворцовыми постройками, красивыми аллеями и светлым, как зеркало, озером...

День был божественный... Солнце игриво ласкало зеркальную гладь, по которой медленно плавали белоснежные лебеди со своим многочисленным потомством, гуси, утки и другие водяные птицы разных величин и пород...

Вода в озере настолько была чиста, что не смотря на глубину, отчетливо виднелось дно с его водяными зарослями и мелкими камешками, ползучие растения и стаи рыб...

Внимание казаков привлекли какие-то металлические сетки с плавающими в них рыбами: золотистыми, красными, большими и малыми, с рыбами, которых никто из них никогда не видел в мутных станичных реках.

— Вот из такой рыбки сварить бы ушицу, так наверное язык проглотишь? — промолвил один из казаков.

— Не про твою честь приготовлена эта рыба то? — насмешливо заметил усатый приказный.

— А вон, хлопци, бачьте, це рыбина, так рыбина, на весь взвод хватит! — авторитетно заявил молодой казачек с приплюснутым, как у калмыка, носом. Он приподнял привязанный к колышку проволочный мешок, в котором томилась, как узник в заточении, довольно крупных размеров золотисто-красная рыба и задорно показал приятелям.

— Ты, Иван, оставь, — вмешался приказный, — а то так попадет от полковника, что и жинку свою больше не побачишь.

— Що-ж и пошутить нельзя? . . .

Следствие шло своим чередом. За рюмкой домашней настойки управляющий доложил, как по его мнению произошло убийство егеря, а полковник подробно записал в протокол; потом сходили на место преступления, осмотрели местность и к вечеру собрались в обратный путь.

Вскрытие тела и дальнейшая судебная процедура лежит на обязанности судебного следователя и отдельского врача.

Взвод поседлал лошадей, запел старинную казачью песню:

„По дорожке пыль клубится,
Слышны выстрелы порой!!..“

и следом за полковником стал спускаться с горы.

Но не отъехали от имения и трех верст, как конный егерь догнал отряд и, приложив руку к головному убору, о чем то доложил полковнику.

Хорунжий Никитин! — выслушав егеря, крикнул последний, — спешьте казаков, вытряхните сумы и подушки и посмотрите хорошенько.

— А что прикажете искать, господин полковник? — спросил молодой офицер.

— Рыбу!... Заморскую рыбу!... Из сети стащили, чертовы дети! — Сейчас же отобрать!

По команде хорунжего казаки, как один человек, соскочили на землю, сняли сумы и подушки, и выложили все содержимое на показ офицеру.

Полковник стоял в стороне и сердито щипал свой длинный запорожский ус, а хорунжий тщательно осматривал казачьи вещи.

Но, увы, рыба как в воду канула.

Обыск кончился. Егерь, ни на шаг не отходивший от офицера, удивленно сказал:

— Странно!.. А тем не менее сетка пустая. Мы так и думали, что казаки пошутили. Экземпляр привезен из-за границы и очень дорого стоит.

— Да, неприятно. Быть может она сама вышла на свободу и гуляет теперь по озеру? — вызказал свое мнение хорунжий.

Егерь вернулся назад, а казаки поехали своей дорогой.

„То с набега удалого
Едут сунженцы домой!..“ — понеслось в след егерю.

Уже вечерело, когда приехали в станицу Царскую. Полковник решил сделат ночевку, а потому, под, ехав к общественной квартире, отдал надлежащие распоряжения.

— Ваше высокоблагородие, а что вам кушать приготовить? — спросил взводный урядник.

— Купишь курицу и... ну... там... от горловой болезни чего-нибудь.

На общественной квартире офицеры развалились на диванах и, попыхивая душистыми папиросами, обсуждали случай с пропажей рыбы.

— Куда она могла деться? Просто сами они не закрыли как следует дверку, она и вышла на свободу. У казаков нет. Я тщательно осматривал все вещи.

— Так то оно так, — перебил полковник, — а Атаману Отдела все же придется доложить. Неприятно, черт возьми. Еще чего добраго донесут великому князю, так он нам пропишет рецепт. Научит, как нужно ездить на следствие.

Часа через два появилась на столе водка со всевозможными казачьими закусками, холодный квас и пышный кубанский хлеб.

— Прикажете и горячее подавать, ваше высокоблагородие? — спросил полковника молодцеватый урядник.

— Конечно! — ответил полковник, похлопывая от удовольствия рукамми, и ласково поглядывая на светящееся в бутылке „горловое лекарство“.

† Георг V

. . . Король спокойно предал Богу дух в 23:55 ч . . .“

Этой короткой депешей был оповещен конец несколько-дневной агонии Короля, за которой целый Английский народ следил со сжатым сердцем.

Еще не исполнился год с тех пор, как Георг V, Король Великобритании, Ирландии и Император Индии, отпраздновал 25-ю годовщину своего царствования. Юбилейныя торжества превратились тогда в небывалую по размерам и задушевности манифестацию гармонии между Королем и народом, обративши на себя внимание мира.

Четыреста восемдесят миллионов людей-целый мир народов, религий и расс, с четверти земного шара засвидетельствовали свое уважение к личности Монарха-символу Британской общности. „Англия имела сильных, авторитетных и заслуженных королей, но более гуманного, более доброго чем Георг она не помнит.“ Такова была общая оценка покойного Короля.

Действительно доброта, простота обращения и отзывчивость к народным страданиям, сделали Короля Георга в глазах его подданных первым и самым уважаемым гражданином Империи.

Ему было хорошо известно поприще моряка, черный труд углекопа и страдание безработного. Сам моряк в молодости после, ставши Королем, он спускался в шах ты и посещал семейства безработных для того, чтобы пожать им руку, или сказать слово утешения.

К человеческим добродетелям покойного Короля остается прибавить еще лояльность и тактичность, с которыми он играл свою роль арбитора в политической борьбе, после чего нам станет ясен замечательный факт, что Лейбр Парти и консерваторы соперничали между собою в лояльности к Короне и что в Англии, в его царствовании, не было и в помине республиканского движения.

Теперь, когда перед тленными останками Великого Короля преклоняются народы Британской Империи мы, казаки, присоединяемся к трауру английского народа, поднося свою дань почтения перед безсмертным образом усопшего Короля.

Дверь отворилась и в комнату торжественно внесли грамадное блюдо с горячим кушаньем.

— Это что такое? — вне себя от удивлений воскликнул полковник, увидевший на блюде не курицу, а большую красно-золотистую рыбу, украшенную картофелем и томатами.

— Це рыбина — невозмутимо ответил урядник.

— Якась така рыбина, бісова душа?

— Дуже смачна, як порося.

— Я тебя спрашиваю откуда эта рыба?

— Та що у княжеском садочку пропала.

— А где-ж ты ее нашел, галушку тебе в рот?

— Та у ваших сумах, ваше высокоблагородие...

Полковник задергал седой ус и сел за стол. О том, что было дальше, говорить не стоит . . .

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Иван Колесов. Сборник стихотворений и рассказов. Стр. 142 1936 г. Братислава. Изд. Лит. Каз. Семон

В различныхъ казачьих журналах, со своими стихами и рассказами Колесов выступал многократно. Но по этим кусочкам творчества, попадавшимся нам с большими интервалами, едва ли кто мог получить полного и верного представления об общем размере работы автора и качествах его произведений в целом.

Только что вышедший сборник впервые представляет нам Колесова во весь рост, как одного из пионеров казачьей художественной литературы.

Критика, конечно, — дело индивидуального восприятия, личного вкуса, в которых люди могут расходиться. Для меня Колесов в этом сборнике стал больше поэтом, чем беллетристом. Беллетристические вещи его, пожалуй, случайны, менее ярки. Рассказы его излишне растянуты и потому расплывчаты.

Рассказы Колесова могут быть интересны, как зафиксированные бытовые и исторические моменты из жизни донских казаков в годы борьбы их с большевиками.

Но зато в поэзии Колесов бесспорно занимает свой угол, в нем он уверенно хозяйствует и представляет оригинальную ценность. Стихи Колесова не так нежны и узорчаты, как стихи Гончарова, не так легки и блестящи, как стихи Павла Полякова, они, как бы, рублены топором, но топором острым в сильных мастерских руках.

Стихи его безусловно насыщены творческим духом, техническим уменьем и цветным содержанием. У него есть пронзительные стихи! . .

Стихотворения Колесова в сборнике разбиты на три цикла — на стихотворения вообще, стихотворения, посвященные друзьям и стихи гимназических лет. Особо выделены два прекрасных стихотворения, написанные коллективно с друзьями, ярко выражающие настроение казачьей национально настроенной молодой интеллигенции в первые годы ВК движения.

По моей оценке, сборник Колесова самый интересный и содержательный из всех до сего времени вышедших сборников казачьих литераторов (всего вышло два сборника). Книга Колесова вполне заслуживает того, чтобы ее имел каждый культурный казак, интересующийся родной литературой. Кстати сказать, было бы очень хорошо, если бы и другие казачьи литераторы, таким же способом, выпустили свои сборники. Задача эта облегчалась бы об' единением всех в-казачьих литераторов в одну внегрупповую литературную организацию.

А то грустно бывает, когда видишь, как лучший казачий поэт, словно золото бросая в болото, уклоняясь от своего высокого назначения свыше, проводит время в низком угодничестве и услужении какому-нибуть подлому узурпатору, скупо роняющему крохи со стола . . .

Мустафа Чокай — Оглы. Туркестан под властью советов. (К характеристике диктатуры пролетариата). Стр. 128. Париж 1935 г.

Это — небольшая, изящно изданная книга с содержанием серьезным и поучительным.

В ней Г-н Чокай-оглы (вождь Туркестанского национального движения), исключительно на основании советских же источников, неоспоримо доказывает весь организованный обман и грабеж большевиками подвластных СССР. Народов, которые на бумаге и на картах выделены в „Нац. Республики“.

Содержание этой книги, кстати сказать — обратившей внимание прессы французской и советской, вскрывает жуткую картину небывалого морального гнета, экономического грабежа „инордцев“ в СССР со стороны русского красного империализма. Такого кошмара не знала и Россия Царская.

Доц. Г. Омельченко. Эдуард Бенеш. Стр. 152. Прага. 1934. г. Г. Омельченко-известный кубанский общественно-политический деятель. Труд его (удачно и интересно составленый), знакомит читателя с жизнью и деятельностью Эдуарда Бенеша, нынешнего Президента Чехословацкой Республики. Знакомство с этой книгой уже в 1934 году невольно подготавливало человека к тому, что после Масарика нет в Чехословакии человека, более заслужившего Президентское кресло, чем Э. Бенеш. Жизнь и деятельность Бенеша для всякого политического деятеля весьма поучительна.

СББ.

ЖИЗНЬ КАЗАЧЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ

Мысли, высказанные Ш. Балиновым на докладе Билого

Внимательно выслушав доклад, я решил было не выступать здесь. Есть к тому основательные причины. Доклад в своей первой части есть плохой пересказ того, что было в прошлом в смысле попыток Казачества выйти на внешний фронт, а о будущей внешней политике докладчик решительно ничего не сказал, кроме заявления, что — „Для того, чтобы вести внешнюю политику, Казачесетво должно решить основной вопрось своего бытия".

Если принять во внимание, что доклад читан перед казаками, главным образом, перед самостийниками, то это заявление — политическая чепуха, ибо все они основной вопрос своего бытия давно уже решили. Я, собственно, не знаю, какую цель преследовал докладчик, выступая перед нами с этой чепухой. Очевидно, по необходимости, выполнял тяжкую и неприятную для себя обязанность.

Для ведения всякой внешней политики требуются две вещи: определенная, ясная внутренняя политика и внимательный, хороший учет внешнего положения. Ни о той, ни о другом докладчик нам не сказал ни одного слова, ибо у него нет и не было ни первой и ни второго. Доклад его следовало бы назвать ученическим пересказом рассказа „Внешняя политика Казачества в прошлом", а ничуть не называть его докладом на актуальную тему настоящей и будущей внешней политики Казачества.

Так как долкадчик о внешней политике настоящего и будущего ничего не сказал, то и я о ней ничего не буду говорить. Если я взял слово, то только для того. чтобы ответить на выступления здесь ст. ст. Карчанова и Иовича, каторые нам „доказывали несостоятельность идеи Казачьей Независимости и на что докладчик, по моему, не дал достаточно убедительного ответа. Разумеется и я не претендую на то, что я дам им убедительный ответ, но хочу высказать свое личное мнение по тем пунктам, какие здесь развивали названные станичники.

1) Россия велика, 180 мил. Наши Края слишком богаты, слишком лакомый кусок. Нас она в покое не оставит, раздавит;

2) Казаки дома так не думают, как мы. Да и казаков там осталось немного;

3) Эмигрантская самостийность держится „на иностранном песке" и

4) И мы — казаки и вы — казаки. Скажите: что мы будем делать с Вами, когда придем домой и что вы будете делать с нами.

Вот те пункты, по которым я хочу высказать свои соображения.

Россия велика . . . нас раздавит. Это, господа, старая песня на новый лад, которую нам так много раз пели и на которую мы столько же раз отвечали. Не надо, господа, насиловать правду. России нет и не будет ее никогда в той форме и размере, в какой ее мыслят русские эмигранты, а есть СССР, красная диктатура в Москве, силою руского штыка держащая в подчинении народы, в общей численности насчитывающие 80 мил., которые неустанно, с напряжением всех своих сил борятся против диктатуры Москвы за свою и нашу свободу и независимость. Поэтому, перестаньте нас пугать этим жупелом унтер-офицерши — 180-ю миллионами. Если уж на то пошло. то эта цифра делится ровно пополам и совершенно неизвестно — какая сторона возьмет, если дело дойдет до прямой схватки. Если вас пугает 80-ти мил. великорусский народ, то есть другая сторона, тоже насчитывающая 80 мил., но только духовно и физически превосходящая русского мужика! В активе этой другой стороны имеется еще такая, страшной силы, вещь, как **национальный пафос,** фонтаном бьющееся, ищущее выхода, применения молодое, только что проснувшееся, национальное чувство, чувство национальной обиды, унижения и, наконец, естественное, животное чувство физического спасения от удушающего об'ятия жестокой Москвы! И Вы, так легко нам здесь угрожающие, обязаны будете „там" уступить и смириться с этим напором национально пробужденных народов!

Да, наши Края — слишком богаты, очень лакомый кусок для России, она, конечно, будет принимать всяческие меры, чтобы нас спокойненько проглотить. Но мы — казаки, на плечах наших не пустые кубышки. „Есть еще порох в пороховницах, не иссякла казачья сила!" Воля и желание России для нас не закон. Наши Казачьи Законы, Воля Казачества — вот наш закон, вот чему ему поклоняемся, вот чего мы добиваемся!

Казаки дома так не думают, как мы, здесь... Казаков „там" осталось мало . . . И об этом нам многожды говорили, а Н. М. Мельников как то умудрился сделать процентное вычисление и „доказал", что казаков дома осталось всего, кажется, 25%.

Не правда это! Это есть со стороны одних сознательная, а со стороны других — бессознательная попытка убить дух казачий, ослабить их волю к борьбе за право и счастье Казачества!

Мы имеем совершенно иные данные. Хотя казаков резали большевики в ускоренном темпе, но и теперь „там" много казаков, настолько много, что порою и теперь они доставляют большую неприятность московским сатрапам, нагоняют на животный страх. Пусть духовные дезертиры из казаков занимаются вычислением процентов оставшихся казаков и пусть только они „доказывают", что Казачество кончилось. Мы, казаки-националисты, по прежнему убеждены и знаем и верим, что Казачество живо и по прежнему с бодрым духом, с твердой верой будем продолжать свое скромное, вместе с тем ответственное дело в направлении освобождения и возрождения родного нам Казачества!

Что же касается того, что тамошние наши братья не так думают, как мы, то это неверно. Для этого совсем не надо заниматься изучением вопроса, читать специальную литературу, а совер-

шенно достаточно прочитать романы советского писателя Шолохова, где так красочно, так ярко и выпукло выявлено душевное и политическое настроение современных казаков. Там выведены казаки, которые организуют „Отряд спасения Дона“, там выведены казаки, которые фанатично верят в неизбежное возрождение Казачества и говорят: „Оно проснется, выждав весну“! С этими „внутренними“ казаками мы поем в унисон и вместе с ними с глубокой верой говорим: Казачество проснется и возродится!

. . . Эмигрантская самостийность держится на иностранном песке . . . Сколько раз мы слышали и этот „довод“ против нас! Мы с презрением и возмущением отбрасываем такой навет на тех тысячи казаков-националистов, которые исповедуют идею казачьего государственного самоопределения. Недостойно так оскорблять тысячи сознательных, исповедующих чистую, высокую и благородную идею казаков. Неправда, что самостийность родилась в эмиграции! Корни ее уходят в далекую казачью историю, за нее положили свои буйные головы многие лучшие сыны Казачества. Неправда, что самостийность держится на иностранном песке. Движение это, вне всякой зависимости от иностранного песка, родилось из правильного учета внутреннего и внешнего положения и движется действенной любовью сотни и тысячи молодых, идейных казаков! Оно есть последняя казачья ставка, последний и единственный путь возможного спасения Казачества. Иного пути его спасения нет, все другие пути уже неумолимой жизнью отвергнуты!

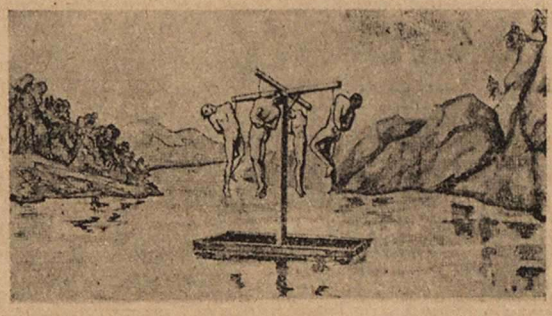
И, наконец, вопрос: что мы будем делать с вами и что вы будете делать с нами?

Я не знаю, что „они“ будут делать с нами но для нас, казаков-националистов, такого вопроса не существует. Мы исходим из глубокого убеждения, что все казаки без изключения являются, так сказать, потенциальными самостийниками. В этом мы много раз убеждались лично: когда коснется жизненных интересов Казачества, то каждый казак становится на дыби и говорит, что это наше, казачье, и не смей трогат! Если многие еще не стали открыто на путь казаков-националистов, то мы это об'ясняем изключительно временным недоразумением. Это — не больше и не меньше, как прямое следствие того многолетнего политического тумана, что так неустанно пускает называемая „казачья старшина.“ Этот „туман“, действительно, настолько одурманил, затмил сознание многих казаков, которые часто с пеной у рта выступают против самостийников. Но стоит только по душам поговорить с таким „врагом“ о казачьих делах так, как они есть и как должны быть, как „он“ из врага становится сначала „попутчиком“, а потом и сподвижником.

Мы глубоко верим, когда настанет день освобождения и свободы Казачества, все казаки без единого исключения станут самостийниками гораздо лучшими и достойными, чем мы, сегодня ратующих за казачью независимость и сойдутся на Круг Державный, Войсковой, чтобы общим разумом определить и закрепить раз и на всегда независимое, свободное государственное бытие родного нам Казачества!

И исчезнет тогда вопрос „мы“ и „вы“, а будут только казаки. вновь обревшие свою дорогую Родину, граждане об,единенного, союзного Казачьего Государства — **Казакии!**

От редакции: Мы обращаем внимание читателей, что в отчете о своем докладе („ВК“ № 188) Билый подробно перечислил всех — и своих и противников — кто на собрании произнес хоть одно слово, с приведением выдержик из их слова, только „забыл“ упомянуть имени Ш. Н. Балинова. Мы с тем большим удовольствием печатаем эту его речь — защиту идеи ВК!

До 1708-го года, Донское казачество жило своей независимой Государственной жизнью, имело с Москвою и др. Государствами дипломатические сношени, как равный с равным. Сотни подобных исторических фактов свидетельсьвуют о том, что казачество как народность, относится к далекой древности т. е. к первым столетиям христианской эры, когда нынешней России и не существовало.

Казачество возродилось в вольных степях и существует с незапамятных времен, а не в пределах московского княжества как это поветствует история имперских и большевицких времен, всячески стараясь перед лицем общественного мнения исказить истйнну казачьей истории.

Завистливая, кровожадная, деспотическая, богоносная Москва, с помощью наемных сил разгромила предала огню, мечу и казни народы Вольных республик: Пскова, Новгорода, Камскую Болгарию, казнила лучших защитников человеческого права, а остальных обратила в вечных рабов и батраков.

В 1708 гду, теже богоносцы с помощью наемных азиатских и др. предателей, силой вторглись в пределы Донской республики, где казнями, огнем и мечем уничтожили 50 % казач населения, сожгли хутора, станицы по рекам: Иловле, Медведице, Донцу и его притокам и Дону сверху до пятиизбушек. Для назидания своего богоносного страшилища, завоеватели — москвичи одних сажали на колья, а других вешали на плотах и пускали последние вниз по Дону, для запугивания непокорных.

Сравнивая два жесточайших исторических акта: — первый из них повешение борца за свободу Болгарии В. Левского турками и второй (смотрите фотографию) дела „христолюбивого воинства“ российского, то дя читателя иностранца станет ясно где была подлинная неволя порабощенных народов? ? ?

С. Савельев

„Атаман работает"

Когда гр. Граббе на торжественном собрании его провозглашения Донским Атаманом в Париже, с большим волнением, как будто искренно, стоя под священными Донскими Знаменами клялся перед казаками, что он будет свято чтить и соблюдать Донскую Конституцию, я, несмотря на свое естественное недоверие к нему, на минутку заколебался и подумал: а может и на самом деле он пожелает Ее выполнять.

Это мое колебание быстро улетучилось, когда прочитал заявления Граббе в Югославии на казачьих и русских собраниях о том, что он будет организовывать казачьи и русские силы для спасения России. Но подумал: чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Ибо бывают дети в 70 лет, которые, ничтоже сумняшися, вообразив себя вершителем судеб, „возлагают" на себя явно невыполнимую, даже вредную задачу.

Но вот в номере 2, „Атаманского Вестника" гр. Граббе напечтал первый свой официальный „атаманский" акт, который в то же самое время является и первым вопиющим нарушением Донской Конституции, прямым издевательством над Ней и первым шагом по расколу Донцов. Это „Вр. Положение об управлении Донскими казаками заграницей" тем более является издевательством над Донской Конституцией, ибо почти каждый его пункт начинается со ссылкой на соответствующую статью Донской Конституции, но прямо, неприкрыто нарушает ее статью.

Вероятно, мы живем действительно в подлое время, когда люди, стоящие даже недалеко от суда Божиего, не стесняются клясться перед Богом, чтобы клятву свою тут же нарушить, наплевательски относятся к вопросам нравственного, религиозного порядка.

Более подробный критический разбор этого первого официального атаманского акта мы оставим до другого раза, а пока что отметим кое что, что так явно, бросается в глаза.

Возьмем, например, статью 3-ю этого, отныне знаменитого, „Вр. Положения". В ней говорится, что в каждом из Округов назначаются представители Атамана. При этом говорится, что этого, якобы, требует статья 30-я раздела III главы VI Основных Законов ВВД. Такая ссылка в просторечьи называется: „в огороде бузина, а в Киеве дядька"! Для того, чтобы читатель сам мог понять, как автор „Вр. Положения" издевается над Дон. Конституцией, приведем здесь эту 30-ю статью ее, на который ссылается Граббе, присваивая себе право назначения своих представителей при округах.

Вот эта 30-я статья Конституции: — „Атаман ведет от лица Войска Донского сношения с иностранными державами, для чего назначает посланников и консулов: первых по представлению Управляющего Отделом Иностранных Дел, а последних — Управляющего Отделом Торговли и Промышленности."

Итак, статью 30-ю Конституции, говорящую о назначении главой ВВД посланников при иностранных государствах, гр. Граббе „использовал" для назначения своих агентов при округах, превратив вопрос днешнего дипломатического сношения с иностранными державами в вопрос внутренней разведки среди казаков, т. е. по своему переделл Донскую Конституцию, вероятно, во исполнение своей присяги честно ее выполнять.

Пойдем дальше. В статье 4 „Вр. Положения" читаем следующее: „Применительно к ст. 77 раздела VII, главы XIII Осн. Зак. ВВД, на представителей этих возлагаются обязанности: (дальше перечисляются те обязанности, какие должны выполнять уже назначенные Граббе его представители).

Для ясности приведем здесь эту статью 77 Донской Конституции, на которую ссылается Граббе, определяя обязанности своих представителей на местах.

Вот эта статья 77-я Донской Конституции: — „Ведению Окружных Кругов подлежит: 1) избрание на 3-х летний срок окружного Атамана, утверждаемого Донским Атаманом и 2) утверждение преставленных окружным атаманом помощников последнего в необходимом числе".

Пусть казаки попробуют разрешить эту крестословицу: как можно хоть как нибудь связать 77-ю статью Основных Законов ВКД с 4-й статьей „Вр. Положения"! Только такие комики, как люди из окружения гр. Граббе, способны сделать это!

Идем дальше. В статье 11-й „Вр. Положения" говорится о порядке выборов станичных и хуторских атаманов, при чем все они „утверждаются Донским Атаманом или его представителем — по принадлежности."

В примечании к этой статье говорится еще больше, а именно: „В случае, если никто из кандидатов не получит больше половины голосов или если в избрании участвовало менее одной трети правомочных лиц, Донской Атаман, или его представитель в Округе по принадлежности — может назначить Станичного или Хуторского Атамана по своему усмотрению."

Мы решительно не можем понять, как авторы этого „Вр. Положения" осмелились пойти на такую открытую политическую контрабанду. Ведь, все „Вр. Положение" написано применительно к Дон. Контитуции, чуть ли не каждая его статья ссылается на соответствующую, якобы, статью Конституции ВВД, т. е. дается понять казакам, что издавая свое „Вр. Положение", мы выполняем Основные Законы ВВД, свято их, мол, соблюдаем, каки обещал Граббе.

Но это очень сильно смахивает на того „верующего" русского мужика, который, иногда готовясь убить человека, крестится размашисто и произносить „Господи, помоги"!

Напомним здесь, что согласно статьи 89, Раздела X, Главы XVI Основных Законов ВВД станичный и хуторские атаманы избираются сбором „без представления их к утверждению в должности".

„Вр. Положение" прямо отменяет эту статью Донской Конституции, при чем отменяет ее со ссылкой на ту же Конституцию. А устанавливая, вернее, присваивая себе право назначения станич-

ных и хуторских Атаманов, гр. Граббе не только отменяет Донскую Конституцию, но уже прямо восстанавливает „Положение об управлении Казачьими Войсками“ 1891 года, в силу которого Наказный Атаман пользовался правом назначения станичных атаманов, если никто из кандидатов на ст. сборе не получит нужного большинства.

Очевидно, Граббе и его окружение, под маркой работы выборного Атамана, прикрываясь фарисейскими словами, решили постепенно ввести в действие правила и положения эпохи наказных Атаманов. Мы, конечно, не сомневаемся, что эти последние правила и положения, хорошо известны, гораздо ближе и роднее сердцу гр. Граббе, как б. наказного Атамана.

Точно также мы не оспариваем право не только Граббе, но кого бы то ни было в эмиграции убивать свое досужее время на выработку и печатание в своем журнале любого „правила“ и „положения“. Но когда эти выдумщики начинают выдавать свое фантастическое творчество за исполнение Донской Конституции и прямо обманывать казаков, то тогда уже никак нельзя молчать.

Кощунственно, когда мужик, убивая человека, говорит „Господи, благослови!“ Точно также противно слышать, когда люди, прямо отменяя Донскую Конституцию, все время твердят: „Конституция, благослови!“

Дальше в Главе IУ „Вр. Положения“ устанавливаются правила, которые явно расчитаны на внесение раскола и вражды в среду Донских казаков.

Эта глава настолько важна и интересна, что мы приведем из нее целиком три главные статьи, чтобы казаки сами призадумались над ними.

„Ст. 14. В видах организации управления Донскими Казакими в Зарубежьи и применительно к ст. 6I, раздела У, главы Х Основных Законов ВВД, для каждого казака устанавливается особая личная карточка — удостоверение. Карточка эта устанавливается, начиная с 1936 года. сроком на один год.

— „Ст. 15. Без карточки удостоверения ни одно ходатайство казака, как перед хуторскими и станичными атаманами, так и перед представителями Донского Атамана и перед самым Атаманом удовлетворяться не будет.

— „16. Казаки, не выбравшие себе такой карточки удостоверения, не может входить ни в какую казачью станицу или хутор, ни в какое другое казачье учреждение, не может получать никаких пособий или вопомоществований от казачьих благотворительных учреждений.

— „Ст. 17. Представители Донского Атамана входят с представлением к соответствующим иностранным влястям государств округа о том, чтобы при обращении к ним с какими-то ни было просьбами о выдаче паспортов, удостоверений, виз, устройства на работы и пр. власти считались с наличием у казака такой карточки-удостоверения, как гарантии того, что данное лицо действительно является Донским Казаком и ничем не опорочено.„

Мы не знаем, какая такая умная головшкуа так распоясалась. Мы также никак не можем понять — при чем тут статья 61-я Основных Законов Всевеликого Войска Донского, гласящая буквально следующее: — „Казаки и граждане обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно с постановлениями закона.“

Даже при довольно буйной фантазии невозможно связать эту статью Конституции ВВД с вопросом установления личной карточки для каждого казака.

Это — неумная попытка, путем угроз, заставить казаков платить определенную дань в казну „Атамана“.

Это — недопустимое обещание, через своих агентов на местах, всячески жаловаться местным государственным властям, администрациям завод и фабрики, гнать прочь всех казаков, которые не пожелают получить от Граббе личной карточки — „волчий билет“, уплатив за нее 12 франков.

Разумеется ни одна власть государства Европы с жалобами Граббе и его представителей считаться не будет. Но есть страны, где в некоторых государственных учреждениях нашли себе место русские люди; есть кое где фабрики, где занимают посты русские люди, даже есть небольшие русские предприятия, где работают казаки. Вот в таких местах обещание Граббе может иметь значение: в таких местах его агенты могут говорить, что казаки, не получившие от Граббе карточку являются или . . . большевиками, или самостийниками.

Несомненно, это обещание, тем более попытка его исполнения, на местах вызовут непримиримую вражду среди Донцов, вызовут взаимную жалобу, что, конечно, пагубно может отразиться на положение казаков, и без того бесконечно тяжелое.

Неужели была такая необходимость прибегнуть к такому бесстыдному, такому недопустимому приему только для того, чтобы собрать несколько тысячь франков в „атаманскую казну.“

В силу этой статьи „Вр. Положения“, все казаки, непожелавшие иметь эту никому ненужную „личную карточку“, будет почитаться, по тем или иным причинам или совсем не казаками, или чем нибудь „порочными.“ Тем самым, как бы исключаются из семьи казачьей.

Между тем, ни для кого не секрет, что (2/3, если не больше) Донцов в эмиграции не только такой карточки не желают получать, но не склонны признавать даже самого Граббе. Следовательно, Граббе всех их „исключает“ из казачьей семьи, так сказать именем Донской Конституции отлучает.

Итак, граф Граббе первым своим официальным актом поспешил отменить многие принципиальные и важные положения Основых Законов ВВД; решил совершить насилие над волей и совестью Донцов, требуя от них обязательного себе подчинения, уплаты денег за совершенно ненужную „личную карточку.“ В противном случае, согласно ст. 17-й „Вр. Положения“, он, через своих представителей будет всюду клеветать, порочить всех Донцов, чтобы им не давали паспортов, виз, выгоняли с работ, не оказывали никакой помощи и т.д.

Вопиющим образом искажая, коверкая статьи Донской Конституции, лицемерно ссылаясь на исковерканные ими статьи Конституции, он под сурдинку вводит положения и правила времен наказных атаманов.

Мы знали и знаем, что Граббе был и остается убежденным русским монархистом и будет делать

русскую монархическую политику, пользуясь так ловко поднесенным ему званием Донского Атамана. Мы также отлично знаем зигзагообразную политическую душу некоторых людей из его окружения. Мы совершенно ничего не имеем против исповедывания монархической идеи. Всякую идейность мы приветствуем.

Но когда люди стыдливо скрывают свою идею, когда свое русское монархическое дело делают именем Донской Конституции, когда русский трон хотят подперет демократическими законами свободного Дона, тогда эти люди не должны претендовать хотя бы на простое уважение к себе.

Те тысячи казаков, которые исповедуют идею казачьей независимости, никакой угрозы не побоятся и, с презрением относясь к пошленьким трюкам иных господ, будут продолжать дело свое.

Яков. Ив. Лопух. — (Латвия)

Об общеказачьем празднике

В №-42 журнала „Иллюстрированная Россия“ прочел я статью ген. Акулинина: „Общеказачий праздник“, а потом в номере 8-м журнала „Наша Стааница“ на ту же тему статью: „Казачий день“.

Читая эти статьи, я думал, что „есть еще порох в пороховницах, не гнется казацкая сила“ . . .

Казаки всех войск и политических убеждений! . . . Прислушайтесь к этим двум голосам, выслушайте и мой третий голос — старого казака, — вдумайтесь во все сказанное и выносите на своих собраниях свои решения, пожелания и оглашайте их на страницах казачьй прессы.

Я думаю — найдутся люди, которые соберут эти казачьи голоса, суммируют их, подведут итог, который и покажет нам наше общее желание.

Под влиянием этих статей я мысленно перенесся в далекое прошлое казачества и мне представилась картина приема в Запорожскую Сечь вновь прибывшего молодца:

— Ты в Бога вируешь? — задает ему вопрос седоусый старшина.

— Вирую.

— А ну перехрестысь.

Вновь прибывший крестился.

— Тепер иды у який хочешь куринь.

Как видите, вера в Бога и крестное знаменье являлось высшим признаком и правом быть принятым в число „лицарів“. Это заменяло все — и метрическую выпись, и послужной список, и паспорт.

Вера в Бога об'единяла Казачество в одно целое и служила той монолитной спайкой, которой отличалось Казачество, когда оно жило самостоятельно, без бояр, царей, графов и князей, с вольной волюшкой.

„За віру Православну“ шли в бой запорожцы, за Престол Богородицы и Ионна Предтечи клали головы донцы.

Возвращаясь с похода, казаки лучшую часть добычи отдавали на церковь. В Запорожской Сечи, куда бы она ни переходила, главным Войсковым праздником был день Покрова Пресвятой Богородицы. Этот день был и сичевой церкви.

30 сент. 1641 года донцы, защищавшие Азов, видели приготовления турок к последнему решительному штурму крепости. Донцы, истощенные осадой, готовились к вылазке чтобы, прорвав цепь, выйти из города. Не надеясь на свои силы, они обратились с молитвой к Богу, исповедались и причастились. Ранним утром в день Покрова Пресвятой Богородицы, они вышли за ворота и увидели чудо: Турок под стенами Азова уже не было . . .

С той поры донцы особо чтили день Покрова, как день чудесного конца знаменитого „Азовского сиденья“.

Праздник этот среди Казачества считался и, как бы, концом трудового сельско-хозяственного года. Хозяева-казаки, обыкновенно, нанимали работников на срок — или от Пасхи до Покрова, или от Троицы до Покрова . . .

Утро 1 октября. Гудит большой церковный колокол, созывая православных в златоглавый храм. Далеко по степи разносится густой бархатный звон. Несется он к одиноким хуторам-зимовникам, из которых на тачанках и линейках выезжают хуторяне в станицу и Богу помолиться в храме, и у родных побывать и погулять.

Хозяин с работником едут в церковь, а хозяйка хлопочет около печки, в которой варится и жарится всякая снедь праздничного стола.

Окончилась литургия, окончился и молебен Покрову Пресвятой Богородицы. Под торжественный трезвон колоколов расходятся бывшие в церкви по домам.

Улицы пестрят яркими нарядами девушек и щеголеватыми молодыми казаками. А дома их поджидают хозяйки с накрытыми столами.

После сытного обеда, само собой разумеется — с выпивкой, хозяин вручает работнику заработанные им деньги, а хозяйка снабжает его всевозможными вареными, жареными и печеными продуктами. Прощаются, и работник, помолясь Богу, напутствуемый наилучшими пожеланиями, отправляется к себе, на родину . . .

Так праздновался в недавнее прошлое время день Покрова в казачьих станицах.

Как же праздновался в станицах Войсковой праздник 5-го октября? . . . Как он протекал в станицах других войск я не знаю, но на Кубани, кроме Екатеринодара, он проходил незаметно.

Благодаря переменам дней празднования, то 30 августа, то в декабре, то 5 октября, он утратил свое значение как праздник.

4-го октября, вечером, раздается звон большого колокола.

— Какой же это завтра праздник, что звонят в большой колокол? — задает вопрос кто-либо из семьи.

— А Бог его знает — отвечает старик казак. Что-то мне не вдомек. А подай-ка сюда календарь.

Вооружившись очками, ищет 5-е октября и читает: „Тезоименитство его имп. высочества наследника цесаревича и великого княза Алексея Николаевича“.

— А вот оно что — наследник именинник.

Ну так пусть они там себе именины справляют,

а нам некогда: Пока погода, надо солому перевозить.

5-го октября в церкви-станичный атаман с насекой, казаки приготовительного разряда с инструкторами, учителя с учениками да десяток другой старух и стариков.

После молебна парад на площади, а затем в станичном правлении по доброй чарке водки участникам парада на общественный счет. Вот и все.

Торжество только в областных городах. Там более внушительные парады с выносом войсковых регалий, там и речи, и более солидная выпивка на войсковой счет.

А праздник Покрова не забыт казаками и на чужбине.

В Югославии кубанцы соорудили икону Покрова Пресвятой Богородицы, соорудила тот же образ и 2-я Кубанская станица в Белграде. И чтят этот день, как свой праздник и кубанцы, но, к сожалению, не все.

Никакими приказами, никакими угрозами, на подобие более чем странной угрозы полковника Н. Н. Краснова, казаков не об'единишь.

Так пусть же Казачество в день Покрова пресвятой Богородицы забудут все свои распри, свои партийные дискуссии, мысленно об'единятся со всеми, в рассеянии сущими братьями, в единой молитве, обратятся к Заступнице нашей Пресвятой Богородице да осенит она нас Честным Своим Покровом, чтобы Господь Бог не оставил нас своею милостью.

Тени тихорецких жертв.

В деле мирного социалистического строительства на территории СССР, большевики, как и в годы военных действий, нашли в лице Казачества самых упорных противников. Коллективизация, проходившая почти без сопротивления на остальных концах СССР, испытывала железное сопротивление в казачьих землях.

К довершению бед совместно с казаками начали сопротивляться большевицким мероприятиям и мужики. Присылаемые „бригады“ активистов разлагались, а зачастую и просто выводились в расход. К 1932 год Красному Кремлю стало ясно, что без грандиозного кровопускания сопротивление казаков не сломить . . .

Летом 1932 года приезжает в Прагу известный по пражской деятельности большевицкий агент кубанец Савка Крикун. Цель его приезда осталась загадкой. Из фактов известно, что он виделся с И. А. Билым, якобы для передачи привета от его младшего родного брата Антона Архиповича. (Ростов. Кагальницкая ул. № 14).

Этот Антон Билый — бывший участковый начальник в Таманском отделе. С приходом большевиков он появился в ст. Каневской Ейского отдела в роли начальника местного Чрезвычайного Комитета, что свидетельствует о том, что он и раньше служил большевикам, находясь еще под казачьей властью. На должности начальника ЧК он прославился, как свирепый ликвидатор „контр-революционного“ Казачества. За последние годы он получил повышение и в 1932 году состоял в составе ГПУ всего Северо-Кавказского края. Так вот от этого брата и привез Игнату Билому поклон С. Крикун, как от своего сослуживца. Само собою разумеется, что никому неизвестно — о чем они говорили после передачи и приема поклонов. Известно только то, что И. А. Билый попросил этого Крикуна доставить казакам в СССР вольно-казачью литературу, на что последний из'явил полную готовность и повез значительное количество вольно-казачьих изданий . . .

Антон Архипович Билый и Савка Крикун, видя затруднения Сов. власти с казаками и угадывая, видимо, сокровенное желание, пришли ей на помощь:

Они широко распространили полученную от Игната Билого вольноказачью литературу, подбавили свои уточнения на счет необходимости восстания и готовности иностранной помощи, и повели тихую, из уст в уста, словесную агитацию за восстание . . .

Измученное Казачество еще раз поверило своим казакам, поверило и в сегодняшнюю реальность вольноказачьих стремлений и с голыми руками восстало.

Результат известен — центр массового казачьего расселения опустошен, сотня тысяч погибла, десятки тысяч сосланы, сотни тысяч выселены, масса замученных в застенках ГПУ. Цель Москвы достигнута — Казачество обескровлено надолго, коллективизация введена, а устроители получили награду и укреплены в своем положении.

На вопрос — сознательно или несознательно помог Игнат Билый своему брату чекисту выдвинуться по службе — вольным казакам следует обратить самое серьезное внимание. Это не „грызня“ и не полемика, а явление заслуживающее вниманния всех, особенно биловцев. Как и что ни говорите, а тень от Тихорецких жертв падает на И. Билого. Подозрительно и то, что Гребенников, перед от'ездом в Ростов, усиленно помагал в праге Билому в его борьбе с нашими сторонникам, и он с своими сторонниками однажды даже сорвал собрание наших, а выехал он, как теперь выясняется, из Праги прямо в распоряжение Антона Архиповича Билого, т. е. от помощи одному брату на помощь другому брату.

Казачья елка в Лесковце (Югославия)

По инициативе Атамана станицы Петра Ивановича Бондаря, а приединодушной поддержке казаков, для детей казачат устроена была елка 6-го января 1936 г. Организацию елки, декламации, песен, детских игр успешно провела жена Атамана Ефросинья Марковна Бондарь, приложив всю свою энергию и старания, чтобы станица не ударила лицом в грязь. Правду сказать, нашлись и среди казаков противники чисто казачьей елки, вроде Тураева Михаила, приспешника русской колонии, который начал распускать невероятные слухи и сплетни, но казаки сознательно парировали, „лаптежную политику“, а г-жа Бондарь окончательно посвятила себя делу устройства елки и, работая день и ночь, за 25 дней блестяще все подготовила. Дети от 6-ти до 12-ти летнего возраста декламировали и пели с таким чувством, что большая половина присутствовавших плакала от умиления.

Программа была очень богатая и содержательная, вся проткана глубокой казачьей думкой. Продекламированы такие как: „На смерть Короля Александра I“, — Назарова; „Памяти Войсковых Атаманов“, — С. Макеева; „Павшим героям Кубани“, — Недреманного; „Набат“, — С. Макеева; „Кубань“; — „Пойте юноши“ — Назарова; „Кличь“ — С. Макеева; „Тоска по родине“; — Недреманного и др. Особенно хорошо декламировали: Лида Бондарь, Игорь Кузуб, Лида Кузуб, и шестилетняя Ирина Бондарь, а Алексей И. Маскаленко умело рассказал „Брехеньку“. Зал гремел от рукоплесканий и одобрений.

После декламаций, пения и детских игр г-жа Бондарь раздала всем детям: по кульку сладостей (на каждом кульке-национ. казачьи флаги) игрушке и книжке, а беднейшим кроме всего и по отрезу материи на платьица. Радостям не было конца, а казаки по очереди подходили и осыпали г-жу Бондарь благодарностями за уложенный труд по организации елки и подготовке детей. К концу программы дамы-казачки: Акользина, Кирячек, Кузуб и др. покрыли столы и пригласили взрослых за стол на семейную закуску. Сели все дружною семьей за столы, полилась глубокомысленная казачья песня, проснулась Казачья история. Было сказано много хороших тостов. Присутствовавший на елке в качестве гостя Яков Степанович **Ковган** обратился к казакам со словом, в котором напомнил о прошлом казачества и призывал казаков сплотиться вокруг дедовских заветов для борьбы за свое будущее, — за казачье знамя. Слово было покрыто дружным „Ура!“ За время закуски дамы казачки организовали лотерею, приход от которой поступил дамскому кружку, а предназначается исключительно для помощи больным и безработным казакам, оставшимся без средств. Веселье закончилось в полном порядке только к 12-ти часам ночи. Темпо жизни станици забился сильнее. Главный организатор елки г-жа Бондарь, получила от казаков заслуженную благодарность, казаки окрылены успехом и открыто заговорили о необходимости укрепления устоев чисто казачьей станицы, стародавних традиций. Ожила казачья общественность.

На праздниках среди казаков только и разговоров

было о блестяще прошедшей елке хорошо отзывались же не казаки, а противники были пристыжены колоссальным успехомъ и верно уже покаялись, что неосторожно пустили сплетни, за которые придется отвечать-еще и перед судом.

Необходимо отметить о детальном участии в жизни станицы ея членов Б. Г. Непокутного, И. С. Кузуба, С. Г. Кирячка, П. Ф. Леге, П. З. Акользина, Г. И. Дубровина, А. И. Бузина, помогающим Атаману об'единить казаков в одну дружную семью.

Большим уважением пользуется русский генерал Н. М. Миглевский, всегда внимательный и симпатизирующий казакам и их начинаниям.

Особенное внимание и благодарность казаков заслуживает Александр Владимирович Тимченко, который как будто прирос — к казакам и является непременным членом их семьи. Во всех случаях эмигрантской жизни казаки неизменно обращаются к нему и совершенно безвозмездно получают советы по судебно правным делам, получают моральную а часто и материальную поддержку Отношение его к казакам и казачим делам могло бы послужить хорошим примером и для некоторых казаков-интелегентов.

С грустью можно отметит и один неприглядный факт, за который казаки виновника заклеймили заслуженным эпитетами.

Козьма Яковлевич Супрунов, происхождения казачьего, который служит в качестве регента, на просьбу г-жи Бондарь хоть изредка прослушать пение детей — казачат и внести поправки, если нужно, отказался, извинившись тем, что не имеет времени. Тот же Супрунов нашел время и возможность взяться и лично готовить детей из русской колонии к русской елке. Вероятно старая привычка блюдолизничать и услуживать русскому барину оказалась силнее чувства к своему — казачьему. Пусть таким будет стыдно во все времена. В дорбый же час, казаки лесковичане, смелее беритесь за работу на общее благо Казачества. **(Соб. кор.)**

Письмо в Редакцию

В журнале „ВК“ №-183 на стр. 26 напечатано обращение г. Лосева к вольным казакам в других странах, в котором, между прочим, он об'являет именной список своей организации, под фальшивой нумерацией, и делает вызов, чтобы и я обнародовал полный состав возглавляемого мною округа.

Я не обратил бы внимания на эти проделки Лосева, если бы не то обстоятельство, что подобными махинациями, вольные казаки в других странах, по неосведомленности, могут быть вводимы в заблуждение. Поэтому, только в интересах установления истины, сообщаю вольным казакам.

1) Что в именном списке г. Лосева фигурируют лица, которые никакого отношения к ВК не имеют. Есть среди них-немцы, поляки, украинцы, русские и казаки единонеделимцы.

2) Многие казаки помещены в список Лосевым не только без их на то согласия, но и без всякого их ведома, о чем я имею у себя сообщения от этих казаков. в которых они возмущены подобным издевательством Лосева над их именами.

3) Некоторые имена казаков г. Лосев даже исказил или по незнанию их подлинных фамилий, или, может быть, для того, чтобы подлинные живые казаки не могли протестовать, полагая, что речь идет о каких-то других лицах. Ясно, что таким способом г. Лосев наберет своему „единственному“ не 50, а 500! . .

4) Что касается наличного состава нашей организации, то он хорошо известен Центральному Правлению ВК — Казаков Националистов, где хранится точный список с нужными сведениями, фотограф. карточками и собственноручными подписями. Публиковать же список организаций, по желанию каждого лица, я просто не имею права.

5) Не думаю, чтобы г. Лосев своей публикацией сослужил кому-либо добрую услугу. Характеристика „Вольно-Каз. Круга в Германии“, устроенного усилиями Козловского и Лосева, данная редакцией „Казакии“ в номере 6-м, **совершенно верна**.

В дополнение этого, вольным казакам полезно ознакомиться с содержанием официального документа по этому вопросу, в форме приговора №-4 собрания членов ВК станицы в Руте от 29 июня 1935 года, напечатанного в „Бюллетене №-3 ВЦП“.

Что побудило г. Лосева на такой . . . некрасивый, мягко выражаясь, шаг не трудно догадаться. Печально это, потому что такие выходки подрывают в глазах людей престиж всего движения. Еще более печально то, что такие поступки поощряет редакция журнала „ВК“, способствуя углублению развала и раскола в казачьем нац. движении.

Иван Овсяник. (Берлинъ).

На собрании русских в Париже

8 января сг. „Пореволюционный Клуб“ в Париже устроил открытое собрание, на котором прочитал доклад г Ширинский-Шахадтов на тему: — „Национальный вопрос в России.“ В последовавших прениях участвовали: профес. Алексеев, Соколов, красный летчик Тренин, г-жа Бубнова и др. С защитой вольноказачьих идеалов по нац. вопросу выступал Ш. Н. Балинов, речь которого вызвала дружные аплодисменты аудитории. Этим обстоятельством остался очень недоволенъ один младоросс, который возмутился тем, что на собрании русских дают слово самостийникам, врагам России, да еще аплодируют ему. Отрадно отметить, что как докладчик, так и большинство ораторов выдвигали и защищали мысль, что все народы равны и каждый народ имеет право на свободу. Выдвигалась мысль о конфедерации народов России. Докладчик верит, что при таком справедливом разрешении национального вопроса, многие народы просто сами не захотят отделяться от России. Очень характерную речь сказал один молодой человек Петров, выбравшийся из СССР. Он удивлялся тому, что в эмиграции еще жив русский великодержавный дух, По его словам в СССР., которую он из'ездил вдоль и поперек, этого духа нет и в помине. Там проникнулись сознанием равности всех народов. Он долго работал среди узбеков и говорит, что в культурном отношении узбек не ниже рязанского мужика, а в культуре селскохозяйственной гораздо выше. Между прочим, этот же Петров очень резко отозвался о младороссах, называя их людьми, которым не подают руки. „Я им руки не подам. Если они с своим Кириллом полезут в Россию, то весь русский народ будет против них. Если тогда они сумели кое как выехать живыми, то теперь уж они не выберутся.“

Надо думать, что сам Кирилл и кирилловцы это отношение к себе русского народа знают, если они теперь уже стараются заполучить казаков в качестве их охранников против русского народа.

К упорству клеветника

В №-7 журнала „Казакия“ и №-3 „Бюллетеня ВЦП“ я дал исчерпывающие доказательства лживости утверждений г. Ленивова, приведя архивные документальные данные, подтвержденные также свидетельскими показаниями двух председателей Брненского Союза русских студентов, членов правления и 15-ти рядовых членов.

Однако, г. Ленивов, уличенный во лжи, в №-185 журнала „Вольное Казачество“ продолжает выдумывать новые фантастические „эпизоды“, которые, по его словам, якобы произошли уже не в 1926 году, как он утверждал в №-177-м „ВК“, а в 1923—1924 году.

Для того, чтобы показать насколько запутался в собственной лжи г. Ленивов, укажу на то обстоятельство, что в Союзе Русских Студентов, кроме 8-ми членов правления был еще казначей, который как принимал деньги, так и выдавал их по постановлению правления.

В №-177 „ВК“ Ленивов сообщал: „Безуглов был судим академическим судом и признан виновным; в дальнейшем был вынужден оставить университет“. (Учился я в Сельско-Хоз. Институте, на агрон. отд. до июля 1925 года).

В №-185 „ВК“ тот же автор пишет: „Ревиз. Комиссия потребовала чрезвычайного общего собрания членов организации. Студенческая среда заклеймила его и потребовала удаления из рядов организации и довела до сведения Комитета, производившего помощную акцию студентам, настаивая на удержании 200 крон, что и было производимо“. Ввиду того, что оба эти его сообщения противоречат друг другу и взаимно уничтожаются, Ленивов должен будет выдумать третье.

В архиве Союза Русских Студентов имеется мое заявление о выходе из Союза, ввиду невозможности состоять одновременно в двух студенческих организациях — русской и казачьей. Я предпочел Общеказачью Студ. Станицу и вышел из Русского Союза вместе с 250-ю казаками. испол-

няя в станице и далее обязанности помощника ст. Атамана. А г. Ленивов остался в Союзе Русских Студентов, потому, что среда галлиполийцев ему была по духу ближе казачьей, о чем он не раз говорил, показывая каждому встречному выписку из дворянских книг, кичась своим старшинским происхождением, за что многие его называли не Ленивовым, а „шестой книгой".

Очевидно, этим об'ясняется и его дезертирство из Новочеркасского военного училища. Впрочем, старшина всегда отличалась лживостью и подлостью. Г. Ленивов просто верен традиции. **Иван Безуглов**

— 30 декабря прошлого года делегация Об'единения Вольных Казаков-Комбатантов во Франции (Ш. Н. Балинов, А. Т. Жуков, А. Е. Алимов, Евтухов, Бембетов и др.) со своим знаменем, совместно с делегацией Французской Национальной Федерации Комбатантов, Украинских Комбатантов и др., приняла участие в церемонии возжения лампады на могиле Неизвестного Солдата в Париже, под Триумфиальной Аркой.

Это уже второй случай, когда вольные казаки-комбатанты, вместе с своими французскими боевыми товарищами, принимают участие в почетном деле — отдании чести и преклонения перед памятью своих мертвых боевых товарищей.

— 7 декабря г. Билый устроил в Париже свой „торжественный" банкет по случаю праздника „10 декабря" — день выхода первого номера журнала „ВК". Присутствовали на нем некоторые видные представители угнетенных народов, как Расул-Заде, Чхенкели, Хатисов, ген. Удовиченко которые произнесли хорошие речи. Присутствовал на этот раз даже проф. С. Г. Сватиков, сказавший „пару теплых слов" в адрес Билого. Демонстративно отсутствовали горцы.

Умышленно или нет, но ген. Удовиченко произнес пламенную речь в память покойного полк. М. Ф. Фролова, главного основоположника ВК. Мы легко себе представляем — как неуютно себя чувствовал хозяин „банкета" Билый, который все свои силы ныне употребляет, чтобы всячески очернить память покойного Фролова. Как неприятна была речь ген. Удовиченко для Билого видно из того, что он в отчете о своем банкете, в качестве послесловия, поместил „Ответ генералу Удовиченко", написанный некиим Медковым, в котором этот последний говорит о „Походном Атамане", „которому мы вверили свою судьбу, мы ему безгранично верим и преданы ему". Так сказать, Вы, генерал, напрасно, мол, хвалите Фролова, у нас есть более великий человек, вождь Божьей милостью, Гнат Первый.

Гости были люди солидные, почтенные, говорили они о вещах серьезных. А „хозяева"? Бог мой! . . Е. Якименко, Федосеев, Колесов и Семенкин! Вот четыре великих „кита", на которых опирается еще величайший „вождь"!

Мы знаем, что г. Билый совершенно лишен чувства всякого стыда, но нас больше интересует вопрос — как себя чувствовали высокие гости в такой компании и с каким „наслаждением" выслушивали их „умные" речи . . .

— Председатель Центр. Правления П. Н. Кудинов, по случаю Рождества и Нового года, получил приветствия, добрые пожелания, с выражением солидарности от следующих организаций и отдельных лиц:

1. От правления ВК Донской Селимийской Свято-Николаевской станицы в гор. Торговище, за подписью атамана **М. Н. Гусакова**, помощника его **И. Т. Лысова**, и писаря **И. Д. Кузнецова**.

2. От вольноказ. станицы в Руте (Германия) за подписью атамана **Копаткова**, помощника **Рощина**, казначея **Ковалева** и писаря **Качалина**.

3. От ВК станицы в Казанлыке за подписью атамана сот. **Борисова** и секр. **Самсонова**.

4. От вольных казаков: ес И. Д. Овсяника от имени вольных казаков в Германии, от инж. **Тулаева** (Польша), от **В. Плешакова** (Видин), от **Е. Кочетова** (Польша), от ст. **Н. Н. Васильева** и от **Г. Г. Саенко** (Болгария.)

— От Комбатантов во Франции за под писью Ш. Валинова, Ульянова, А. Огиенко.

— От О. Рев. Казачества за подписью секретаря Полк. Жукова.

— От обьединение В. К. в Брно, за подписью Атамана Запорожцева и писаря Медведева.

— От Национальной казач. станицы в Югославии за подписью Атамана Ес. Недожогина, помощника Кибирова и писаря Е. Перфильева.

— От казаков националистов в Варне Болгария, за подписью — С. Полякова.

— Председатель ЦП, от имени последнего, приносит всем указанным организациям и вольным казакам свою искреннюю благодарность.

ОТКЛИКИ ИЗ МАССЫ

Председателю Центрального Правления
В. К. Казаков Националистов
Павлу Наз. Кудинову.

Глубокоуважаемый Павел Назарьевич, разрешите поздравить Вас с высоким постом Пр. Центр. Прав. . . Я рад видеть Вас на этом посту потому, что Вы показали себя героем в восстании Верхне-Донского Округа, где я был свидетелем и участвовал в боях под вашим руководством в 1919 году. Мне приходит на память прошедшее, а главное ваши распоряжения, которые вы отдавали невооруженной вверенной вам армии, которая проявила чудеса храбрости под вашим руководством, на полях родных земель.

Вы наверно помните тот случай (еще до восстания), когда казаки заговорили, что во что бы то ни стало, нужно восставать. Но кто может быть во главе, и где такого возглавителя найти. Этот вопрос был самым жгучим. Я предложил казакам, что у меня есть сослуживец по 12-му полку, боевой офицер, который находится в станице Вешенской. Тут же казаки посылают меня к вам, но сами знаете, случай не дал мне говорить с Вами, ибо камиссары следили за всеми зорко. Я повернул отъ Вас и поехал в станицу Еланскую к сослуживцу И. Ф. Галицину, а потом на хутор Дударевский, к подхорунжему Прокофию Благородову. Но и с последним поговорить мне не удалось. Во время восстания, они оба играли не малую роль.

Во время восстания, по занятии казаками стан. Вешенской, которая представляла сплошное бушующее море, казаки нашли Вас как единственного достойного офицера-казака, и поставили Вас во главе над невооруженным Казачеством, для очищение станиц от непрошенных гостей. Но не долго пришлось бушевать этому беспорядочному морю; на другой день от Вас последовало распоряжение: разлиться этому морю в доль и в ширь и мы с Вешенской двинулись на стан. Еланскую и Еланские хутора; заняли хутор Краснополов, одной сотней в 180 человек. Беда была немалая, хотя на половину и были винтовки, но патронов не было совсем. Первая ночь прошла спокойно. На утро посты донесли. что с хутора Шашкина через Дуброву движется красная пехота на подводах и держит направление на стан. Еланскую. Наша сотня, несмотря на то, что патронов нет, вышла им навстречу. Красные открыли по нас огонь. Мы же, чтобы задержать их, подались в сторону, как будто с охотой дали им дорогу на Еланскую, которою

красные заняли без выстрела. Мы же не доходя Еланской, заняли позицию от стан. Букановской по песчанным бурунам по направлению к хутору Красноярскому, упираясь своим правым флангом в реку Дон. Красные, укрепившись по окраинам стан. Еланской, открыли по нас артиллерийский огонь, имея своих наблюдателей на колоколне. От стан. Еланской до стан. Вешенскои 21 верста. Если красные и этим овладеют, то тогда конци в воду. Но в это время пронеслась радостная весть, что сам Командующий, П. Н. Кудинов, — здесь, с своим конвоем. Значит мы красных пометем, говорили казаки. В этих мыслях не ошиблись. Сам Вы Павел Назарьевичь, своим примером увлекли за собою казаков в атаку, у которых перед этим падала надежда на успех. Атака окончилась блестяще, досталось много пленных и оружиее. После Вы навели порядок и возвратились в штаб в Вешенскую. Разбитые части красных, стали отходить на ст. ст. Букановскую и Слащовскую. Мы же приследуя последних, заняли хутора Шашкин и другие ниже лежащие, а потом ниж. и в. Подки, где, как будто, отвели нам границу.

Павел Назарьевичь, благодаря Вашему умелому распоряжению, наша армия стала расти как в людях, так и в оружии. Хотя у нас командный состав был и из рядовых казаков, но как говорится: „Война рождает героев". Это Восстание Вы довели до конца и передали Вы нас в распоряжение... заслуженных генералов, которые скоро разсеяли нас по разным уголкам земного шара. Теперь мы влачим горькое существование. Теперь нет надежды на то, чтобы спас нас кто-то из генералов, а только есть надежда на Вас и Вас же видеть во главе казачьего Национального движения: Еще раз приветствую Вас и желаю видеть таким героем, каким Вы показали себя в Востании Верхне-Донского Округа. в 1919 г.

До здравствует Вольное Казачество.

3-го января 1936 год.

Емельян Кочетов. — Польша

На ложь отщепенца

В номере 181 журнала „Вольное Казачество" г-н наместник Билого в Болгарии Ковалев пишет, что благодаря действиям ст. Кузнецова вольноказ. станица в Ески-Джумая разделилась на два лагеря. Правды в этом утверждений нет. А правда в том, что благодаря действию моего, стан. атам. Гусакова и некоторых других членов, станица наша не пошла по ложному пути, по пути поддержки спекуляции, узурпации и разрушения, а стала на путь поддержки законности, порядка и честного служения Казачеству наряду с другими вольноказ. организациями нашего округа. Главным образом Ески-Джумайская станица восстала против самозванства г. г. Туроверова и Воротникова, которые самочинно, и якобы от имени станицы, участвовали на биловском с'езде, на котором 4 человека, никем и ни откого не имеющие полномочий, инсценировали „Окружной С'езд". Пятый присутствовавший не принимал участия в „решениях" вопросов. При этом самое позорное это то, что ст. Туроверов выдавал себя на „с'езде" за . . . атамана нашей станицы, тогда как он до этого уже был смещен станицей с своей должности . . .

В №·186 г. Ковалев, назначенный Билым старшим над всеми вольными казаками в Болгарии", проявляя усердие перед своим барином и будучи недовольным тем, что его „наместничество в Болгарии" никем не признается, обрушился со страшной злобой на нашего Председателя Центр. Правления П. Н. Кудинова, попутно защищая Билого и Воротникова.

Наговорил он там много и все чепуху или выдумку. Так например, пытаясь оправдать возвращенческую деятельность Воротникова, он пишет о каких-то кишках, вылавливавшихся казаками из навоза. Не знаю — где таковой случай мог быть. Ведь в 1922 году, в расцвет возвращенческой деятельности ст. Воротникова, работы было много, лагеря были уже разгружены, зарабатывали мы все хорошо. Думаю, что пытаясь защитить сменовеховца, Ковалев просто выдумал свои „кишки".

О попытках защиты им Билого не будем много говорить. Билого защищать — что мертвого лечить. Он уже давно известен своими отрицательными качествами и спорить против тех лиц, которые с Билым многие годы работали и знают его лично, нельзя. Очевидцы есть.

Самая бессовестная выходка г, Ковалева заключается в том, что он спрашивает Окр. Ат. П. Н. Кудинова: Скажите, пожалуйства, а кто же вас уполномачивал ехать на с'езд неизвестных „окружных атаманов?"

Станичник Ковалев, нельзя так терять совесть и разум! Так как П. Н. Кудинову, нашему законному Председателю, не до полемики с вами, то отвечу я за него: Кудинова уполномачивали те, кто участвовали на с'езде 5, 6 и 7 мая 1935, каковой с'езд дал ему, как вам известно, широкие полномочия. Были и вы в числе участников этого большого и законного с'езда, выражавшего мнение и настроение всего Болгарского Вольноказ. Округа. Кроме того, уже дополнительно, П. Н. Кудинов ехал на с'езд в Братиславу с полномочиями от тех организаций, которые стоят на стороне законности и порядка.

Одним словом, вы ст. Ковалев, следуя примеру своего барина, запутались во лжи. Вы с ним, не смотря на то, что редакция журнала „Казакия" дает публичный отчет о поступивших и израсходованных средствах и все жертвователи известные нам вольные казаки, смеете тайком делать предположение о том, что нам, группе „Казакии", отпускают деньги большевики!.. Куда дальше идти?.. На нашей стороне, по крайней мере, нет ни одного бывшего сменовеховца, а на вашей стороне их не мало и на главных ролях — Воротников, П. Макаренко, личный секретарь Гребенникова . . . А кто такой Козловский? . .

Но хорошо, что казаки, которые знают вас лично, отмежевались от вас и вы в блестящем одиночестве. И в этом отношении идете по следам своего барина. В близи Ковалев, как и Билый, никого не обманул, боюсь, что ему могут поверить казаки, которые живут далеко, в других странах, только для них и пишу настоящее правдивое освещение ковалевских „работ". Купил Билый одного продажного человека, он и мутит народ, лжет и клевещет.

ВК — Кузнецов 15. XII. 35 гор, Торговище.

Окружному Атаману Казаков Националистов в Болгарии

14-го января 1936 года Ломская общевольная казачья станица произвела перевыборы станичного правления на 1936-й год. Избранными оказались: Станичный Атаман Ефим Затямин, Помощник А. Шляхтин, Казначей Г. Боровков, писарь Н. Егоров. Ревизионная Комисия: Ф. Забазнов, В. Юров, В. Гудков, о чем доношу.

Станич. Атаман **Е. Затямин**

Писарь **Н. Егоров.**

На избрание П. Н. Кудинова

Вновь тебе пришло на долю
Вести вольных казаков
В бой за правду и за волю . . .
Знать твой жребий уж таков.
Казаки — орлы степные —
Зрят с надеждой на тебя.
За луга, поля родные
Они пожертвуют себя.
Возложи и ты надежду
На Всевышнего Творца:
Он пошлет тебе победу,
С тобой Он будет до конца.
А мы захвачены желаньем —
Пойти с тобой в победный бой
И с казачьим полным сознаньем
За народ стать горой.

Г. М. Александрин. 19. XII. 35. Болг.

Самореклама и дело

Просматривая последние номера журнала „ВК" я удивляюсь тому обилию фотографий, изображающих в различных позах и положениях И. А. Билого и количеству заметок, в которых, его воспевают „вождем и пох. атаманом", а некоторые, впадая в какой-то болезненный экстаз, просто без мыла лезут в сыновья.

Спрашивается — за какие такие дела исторгается перед Билым такая рабская лесть?.. Уж не за то ли, что, г. Билый отсиживался в тылу в то время, когда эти выражатели рабской лести в холоде и голоде защищали родные края, а Билый, как тогда, так и теперь, в тепле и чистоте заботился и заботится о собственной персоне?.. Не за то ли, что за казачьи денежки безрезультатно ездил он по заграницам, что мог бы выполнить с таким же успехом всякий казак? А может быть за то, что благодаря интенсивной деятельности всех казаков патриотов все здравомыслящее казачество об'единилось было вокруг идеи. Вольного Казачества, а Билый беззаконными действиями разрушил и развалил его?.. Наконец, может быть, за то, что в момент, когда вешали его коллегу Кулабухова, (с которым они вместе украинизовали тогда Кубань, каковую деятельность сейчас пытаются переключить в нынешнее Вольно-Казачье движение. Ред.) он ограничился показываньем Деникину кукиша в кармане?..

Не знаю, как кто, но я лично в действиях Билого ничего не нахожу, кроме вреда, сопровождаемого шумной и пустой болтовней.

А вот люди, без крика и без самохвальства действуют тихо, но энергично на благо своей родины: На днях мне пришлось побывать у одного грузинского общественного деятеля, где я случайно увидел журнал на грузинском языке с портретом Маршала Пилсудского. Спрашиваю: „Что это за журнал?" Оказывается, журнал этот издается грузинскими юнкерами, обучающимися в польских военных училищах. Оказывается, что не только в юнкерском, но и в других высших учебных заведениях, стараниями своих общественных деятелей, обучаются многие представители грузинской молодежи!..

Ну а что же сделал саморекламист-редактор издатель жур. „В.К." Игнат, свет Архипович, сын Билый?.. (Энергичным вмешательством сорвал дело, когда его секретарю С. Б-ву удалось, помимо него, устроить двух калмыков в высшую политическую школу! Ред.).

Конечно, Билый не дурак и понимает, что с темной массой куда легче командовать и колпачить, чем культурным казачеством, так как с культурными сотрудниками ему нужно будет считаться и единоличие свое похерить. Вот почему И. А-ч и пытается держать в-казачество в неведнии и в черном теле. А если же обстановка сложится так, что Казачество сможет вернуться в свои родные края, а Билый окажется на должности атамана, то он (как и говорят некот. биловцы. Ред.) прихватит иностранных „специалистов", которые и будут помыкать многострадальным Казачеством.

Не рано ли принялись биловцы петь ему гимны?..

А. Лысенков. (Франция).

Необходимое раз'яснение г-ну Джанхоту

В своей статье, часть которой напечатана в 16-м номере „Сев. Кавказа", желая представить казачье национальное движение в крайне ничтожных размерах, Вы исходите г-н Джанхот, из ошибочного понимания фактов.

Так как статья ваша еще не закончена печатаньем, то я не буду здесь говорить по содержанию ее в целом, а только коротко раз'ясню Вам те три момента, которые вы привели как доказательство того, что среди казаков ренегатов больше, чем националистов.

Вы сравниваете число казаков, участвовавших в выборе Дон. Атамана и в „выборе Походного атамана в ВК". (5000 и 150—200).

Да будет Вам известно, что в выборе Дон. Атамана имело право участвовать 20,000 донских казаков, находящихся в эмиграции. Почти два месяца все руссофильские партии Донского казачества усиленно агитировали за участие всех донцов в выборе Атамана. Только два вольно-казачьих центра издали распоряжения бойкотировать выборы. Только националисты не участвовали в выборе. Результат — 5000 из 20,000.

Что касается „выборов" Билого в „походные атаманы ВК", то надо вам сказать, что Билый уже тогда возглавлял только меньшинство движения. В его выборе участвовали представители только двух неполных округов. А целых четыре с лишним округа, среди которых, например, один Болгарский округ имеет 800 человек зарегистрированных членов, не участвовали в выборе „походного атамана", и ныне **громадное большинство Вольно-Казачьего движения не признает Билого Походным Атаманом.**

Со стороны Билого инсценировка этих „выборов" была только попыткой удержаться на хвосте, не удержавшись на спине. Так что судить о размерах ВК. движения по числу голосов, полученных Билым, нельзя. Но и то цифры 150—200 слишком приуменшены. В двух округах, которые принимали участие в выборе Билого, не меньше 300—400 вольных казаков, без всяких „чад и домочадцев".

В доказательство того, что донцы не хотят входить в Казакию, вы упомянули группу (9 человек) журнала „Дона". Во-первых эта попытка разбить казачье единство успеха не имела. Их было всего девять человек, а ныне 7 пассивных. Во-вторых, „Дон" был явно порождением фактора враждебного Казачеству. По крайней мере, душа и глава группы вдруг выехал в СССР и ныне состязается в стахановском методе хлебозаготовок. Ближайший его помощник ныне стал на путь Казакии у Билого.

Едва ли будет целесообразно, если мы с вами, при разрешении национальных вопросов, будем базиро-

ваться на большевистских авторитетах, вроде Михея Гребенникова, бывшего редактора журнала „Дон", на который Вы ссылаетесь, как на явление, заслуживающее внимания.

Мы не знаем — будем ли с Вами врагами или друзьями в своей борьбе за Свободу, это зависит не только от нас, но и от Вас, господа Кавказцы, но одного бы мы хотели от Вас видеть: это — аб'ективной оценки и об'ективного подхода к вопросам, если мы серьезно намерены как то разрешать наши межнациональные разногласия.

Стараться во что бы то ни стало превратить слона в муху занятие некрасивое.

Б. А. Лыков.

Казачья елка — вечеринка

18-го января 1936 г. Союз Казаков Националистов устроил для детей Елку, а для взрослых вечеринку. На елке присутствовало до 200 детей от 4-х до 15-ти летнего возраста. Елка началась с 6-ти и продолжалась до 9 ти с пол. час. вечера. Для детей играл струнный оркестр. После обычного детского шума и веселия вокруг роскошно убранной елки, всем были розданы подарки (Рождественские). По раздаче подарков, начались детские танцы. декломация стихотворений, игра на гармонике, скрипке и пр.

В промежуток времени детских игр и танцев, было необычайно весело не только для детей, но и для взрослых. Кроме исполненных довоенных танцев: краковяк, мазурка, вальс и пр., которые по своей красоте и такту целиком заслонили современные скучные и недобитые танцы, особое впечатление на присутствующих произвел танец „Казачек", блестяще исполненный девицами-Казачками (гимназистки) Зуевой Л. и Золотаревой Т. Вопреки того, что эти юнные казачки рождены вдалеке от родины, все-же их отцы и матери будучи в пределах чужой земли, в условиях горькой эмигрантской юдоли не только что не утеряли дух казачьей национальной особенности, но и сумели этот казачий обычаи, традиции, природную удаль и рыцарство, воплотить в кровь и в души своих детей и придать им естественный облик степных казачек. Дорогие казачата и казачки дети, юноши и девицы, будучи на чужой земле как дети родителей изгнанников, Вы вращаетесь среди иного народа, с иными нравами, обычаями, традициями, искренно уважайте нравы и гостеприимство этого народа, но в тоже время не забывайте и о том, что Вы имеете свою родину „Казачью землю", которая ныне находится под рабством жестоких разорителей — иного московского народа.

Недалек тот день, когда Вы вернетесь на свою дорогую родину, где увидите иную жизнь, иную прелесть родных степей, на которых растет, подобно девственным распущеным косам, шелковистая, волнистая ковыль. Красный чертополох будет сожжен огнем и там вновь расцветет пахучий пестрый лазурь.

Слава казачьим детям воспринявшим образ казачей жизни.

Слава отцам и матерям воспитавшим этих детей и научившим их свято почитать казачью древность и сердцем искренним любить, еще невиданную ими, родину **„Казакию."**

После елки, в 9-т с пол. час. веч., началась вечеринка. Благодаря строгой и вежливой распорядительности Ф. В. Оболенского, М. Г. Глазкова, А. В. Лаврухина, А. К. Тюлтинова, был соблюден порядок и учтивость к публике. Зал был переполнен танцующими. Роскошный буфет с вежливой прислугой, полностью удовлетворил желание публики. Особый восторг, аплодисменты и несмолкаемый „Бис", вызвала казачка-балерина Галина В. Лаврухина, своими искусными, красивыми казачьими танцами. Блестяще исполнил кавказские танцы Арам Амиров с своей юной дочкою.

В разгаре разнообразных танцев и др. веселий, вечеринка затянулась до шести часов утра.

Собст. коресп.

Главным инициаторам и организаторам устройства казачьей елки м-мм-м . . . Пелагее И. Кудиновой, Антонине Ф. Косоротовой. Анастасии Евсиковои, Ольге Митривой, Окружное правление приносит глубокую и сердечную благодарность.

Окруж. Ат. **П. Кудинов**

Уважаемые мадам Кудинова и Косоротова,

Мы очень тронуты подарками, посланными Вами нашим детям к празднику Рождества Христова. Дети были неисказанно рады, когда им были розданы гостинцы.

Будем впредь более близкими знакомыми, протянем друг-другу руки и создадим Дамский Комитет под Вашим покровительством.

Вдохнем казачий дух нашим детям, которые примуть от нас тяжкий крест борьбы за восстановление нашей Родины Казакии.

С приветом: К. Н. Пискунова, Р. М. Токарева, М. Т. Гарбузова, М. Черкашина и Е. Ф. Ковалева.

Елка и вечер у казаков

18-го января Казаками-Националистами г. Софии была устроена Елка для детей и вечер для взрослых, в помещении Славянского Дружества.

Слышала я много и хорошего и плохого о казаках, но побывать у них в гостях и познакомиться ближе с ними, мне удалось только на вечере-Елке этого года.

Моим заявлением о посещении казаков я не ставлю целью давать ту, или иную характеристику, а просто хочу поделиться моими впечатлениями и считаю долгом принести искреннюю благодарность организаторам этого праздника для детей и их родителей.

В 6 с половиной ч. вечера зал переполнен детворой. Беготня писк и крики . . . На сцене появляется струнный оркестр. Внимание, раздается голос распорядителя. Момент — гробовое молчание. „Шуми Марица." Все встало. Две три минуты . . . Несмолкаемо детское ура! „Да живее Болгария," да здравствует Е. В. Царь Борис III! Снова внимание. „Всколыхнулся взволновался православный Тихий Дон" — и опять несмолкаемое ура! Да здравствует Казачество ! . .

Эти маленькие казачата и казачки, выростающие на чужой земле сумели соединить в своих сердцах глубокое чувство благодарности к стране, давшей им приют и к народу, оказавшему гостеприимство и вместе с этим не оторвались от своего родного Казачества и горячо любимой ими Родины. Большое спасибо матерям и отцам в изгнанни, хранящим любовь к безбрежным ковыльным степям, к простору, к приволью. Особенная же моя благодарность дамам казачкам, устроившим Елку и Деду-Морозу.

Д-р А. Василева. (София)

От Сливенской Нац. Каз. Станицы Председателю Центр. Правления

Господин Председатель, мы, сливенцы, горячо приветствуем Вас, как достойного вождя. Мы глубоко верим в то, что Вы выведете нас на национальный путь Казачества. Мы знаем Вас и верим, что Вы есть чистейший казачий патриот. О Вас Москва знает больше, чем о Граббе. Мы казаки националисты просим Вас, чтобы Вы пресекли поползновение Билого и его наемных агентов на единство казачьего национального движения. Позор тем казакам, которые продолжают поддерживать Билого. Да здравствует единое и организованное национальное Казачество под водительством законного руководителя.

Дм. Князев. (Сливен.)

Отрывок из письма казака

„Серая эмигрантская жизнь, без культурного общения со светом, без малейшего идейного проблеска, втянула людей в болото противоречий и взаимного недовольства . . . Случайное знакомство с казачьей литературой заставляет их как бы призадуматься о своем положении, о своей судьбе, но притупившийся ум быстро находит ответ: „обождать", что, дескать, будет дальше, а внутренний хитренький голос подсказывает „пусть там и за меня поработают другие, а как доб'ются своего, то, по праву, будем пользоваться разом, а если прогорят, то я буду в стороне, знать, мол, не знаю, не причастен." Такая двухсторонне страховательская система довольно распространена. Люди, одержимые этой системой, не враги нам, но и толку с них мало. Если они одной рукой здороваются с нами, то другою тянутся и в другую сторону.

Найдутся еще казаки, вполне ассимилировавшиеся к местным условиям жизни и утратившие интерес к казачьим делам и к казачьей судьбе.

Что касается местных передовиков, то ВК. идеология преимущественно рассматривается с точки зрения собственной выгоды. Они обыкновенно критикуют все и вся, при этом всегда исходят из принципа „помогают или не помогают" несчастному, а в сущности опустившемуся, беженцу чем-либо.

Очень часто они говорят о том „как нужно бы делать дело", но когда им предлагаешь проявить инициативу, то отделываются „неимением времени, а то и нежеланием заниматься мелочами." Они почему-то мечтают о каких-то крупных ролях, будто предназначенных им.

Если же их почти силом притянешь к какой-либо организационной работе, то они считают проявлением величайшей жертвенности, если придут на собрание, с трудом дождутся конца и подпишутся под постановлением.

На этом ставится точка. Дальше забываются как содержание самого постановления, так и всякие другие уговоры, данные слова. Люди опять втягиваются в свои мелкие личные будничные дела, забыв об интересе общем, об идее. Лишь редкие просылки вольноказачьей прессы того или иного крыла на минуту отрывают их мысли.

Если же кто на фоне этой мертвячины проявляет признаки активной работы, хотя бы просто будирует мысль, тормошит казаков, одному пишет, к другому с'ездит и т. д., то начинается шепоток, что, дескать, не зря это, как бы чего он откуда не получил и не заел! . .

При таком состоянии людских умов очень трудно работать и организовывать. Слишком расцвели распущенность, мелкий эгоизм. Только чрезвычайные усилия, неустанная энергия хорошо и крепко организованного сознательного и жертвенного ядра может сдвинуть массу с этой мертвой точки" и т. д. (Мы не имели права публикувать это письмо, а потому не указываем ни автора, ни страну. По нашему, характеристика эта может относится ко всему каз. рассеяню. Печатаем этот отрывок, чтобы казаки взглянули на самих себя и подумали . . . Редакция.)

†

Некролог

14-го января с. г. в гор. Ломе умер казак-Подхоружий Куб. К. В. станицы Казанской.

Григорий Егорович Резников

родившийся в 1877 году.

Еще одною казачей могилой украсилось ломское православное кладбище. Покойный Григорий Егорович, перенес все прелести змигрантской жизни включительно до хамала ломского пристанища. От природы даровитый, он изучает колбасное дело и открывает в Ломе свое предприятие и несколько лет жил довольно сносно.

Покойный был ярыий поборник В. К. . Наш Казачий долг обязывает нас с чистою совестью без осуждения преклониться пред прахом покойного, нашего честного соратника и брата и отдать ему свою последнюю любовь, на далекой чужбине. Он был всегда с нами на веселиях и особенно любил петь: — „Ты Кубан ты наша родина".

Не забудем и мы, что при жизни человека, как бы она ни была плоха, все же природа ему улыбается, а когда опустят в сырую землю, то ему и солнце не улыбается.

Пусть будет тебе дорогой соратник пухом братская земля.

На погребении присутствовали обсолютно все казаки г. Лома, Украинская громада, во главе с председателем Н. И- Мак-Мак и масса граждан г. Лома. Тело покойного от дома до церкви и до места вечного упокоение, несли на руках. Один болгарин Д. Князевский произес над могилой довольно прочувственное и содержательное слово, приурочив его год рождения, к началу освобождения Болгарии.

Н. Егоров гр. Лом

Народ потерявший веру в свою свободу, он должен позорно погибнуть, растворившись в слое другой народности.

Тетям, Пелагее И. Кудиновой и АФ. Косортовой.

Мы маленькие казачата и казачки Ломской Национальной станицы посылаем Вам большое спасибо за Ваше внимание к нам детям, приславши к празднику Рождества Христова подарки. Радость нашу знаем только мы, а для детей богатых родителей, она не известна. Мы думали, что за нас думают только наши измученные тяжелым трудом, матери, но нет, значит есть и еще матери, которые не забыли и про нас. Таких матерей, мы будем почитать как родных.

Низко Вам кланяемся: Борис, Иван, Константин, К. Дрынкины; Алексей, Борис, В. Гудковы, Иванка С. Садчикова; Александра, Михаил, К. Ильчевы, Анастасия И. Реккунова, Лили, Личко М. Ожогины, Семен, Евгений, Татьяна, Г. Боровковы, Женя, Георгий, Г. Грицыновы.

Станичный Атаман Е. Затямин. Писарь Е. Егоров.

Поступило на издание журнала „КАЗАКИЯ"

От — Из Чехии	. . . . .	320 лева
Из Польши	. . . . .	155 „
Из Югославии	. . . . .	175 „
Всего	. .	650 „

Центральное правление выражает глубокую благодарность за драгоценную жертвенность. Согласно положения большого Национального с'езда от 24—25-го августа 1935-го года п. 17-й Централ. прав. просить жертвователей вышеозначенных сумм, сообщить в письменной форме на имя предс. Центр. Прав., о своем согласии на публикацию имен на страницах журнала „Казакия".

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

СКП: Чему удивляетесь станичник? . . Это удел всех сторонников узурпатора. Юг-кое Окр. Правление не составляет исключения. Вот почему оно, время от времени, совершенно без давления со стороны своего „единственного незаменимого", повторно выявляет верноподданические чувства тем, что еще и еще заявляет, что „с оппозицией ничего общего не иметь, не имеем, не буду иметь" и т. д. в этом духе. Совершенно правильно говорите, что и они и мы — люди одной идеи, а вот почему они так себя ведут и так гордятся, кто его знает . . . Они за узурпатора, за произвольщика, низкопоклонничают перед ним, а мы не признаем его, мы за казачьи общественные традиции, за законность и порядочность в проведении нашего дела. Казалось бы-чем им гордиться?.. А вот поди ты! . . Как будто Христа от жидов спасают, а не подлость поддерживают . . .

Нек. сотр: Так как наша редакция не в состоянии покупать со стороны разные материаль, то разнообразие и богатство содержания номеров всецело зависит от того, насколько интенсивно и регулярно будут подавать материалы наши сотрудники. Особенно это на ответственности лиц, умеющих писать. Поэтому к ним и просьба и требование больше и чаще писать и снабжать свою редакцию материалами.

КБН: Чем на Граббе указывать и трудиться, не лучше ли Б-му на себя обернуться? . . Он то чем лучше? . . Чем меньшее количество людей поклоняются узурпатору, тем узурпатор хуже.

ЕИК: Да, мы решили воздерживаться от разговоров с ними, но что прикажете делать, когда они не оставляют вас в покое и трепят вас за полы кафтана? . .

ГКД: Клевета и ложь Ленивова в адрес И. Безуглова были настолько чудовищны и возмутительны, что не только казаки вольные из Брно, но и невольные, даже русские, сочли долгом защитить честь человека от напраслины. Попытка Ленивова повторять свою клевету ничто иное, как упорство от неловкости.

ПСК: До получения ответа на наше письмо и вашего отклика на случай в №7, мы не решились печатать вторую вашу корреспонденцию.

Многим: Отчет об израсходовании взносов по Братиславскому отделению редакции „Казакии" издаст литографски само это отделение и разошлет взносчикам. В № 7 „К" отчет не был дан в результате недоразумения.

ГБД: Молчим не только потому, что решили так, а иногда и потому, что своевременно не можем достать их журнал. Нагородивши с своими агентами кучу всякой лжи, втирая очки казакам, они (б-цы) принимают героические меры, чтобы очередные номера не попали своевременно в наши руки. Даже подписчикам и то высылается неаккуратно, часто прерывает, всегда „опаздывает" с присылкой. Поэтому, пока нам удается раз скать через третьи и четвертые руки какой либо номер „ВК" проходит много времени. Один этот факт справедливым людям должен бы говорить многое. Ведь, правду не скрывают? Мы всегда делаем так, чтобы они получили наш журнал или газету. Но, несмотря на это, вы знаете, как он отделывается — „не читал" да и только.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на литературно-исторический информационный журнал

КАЗАКИЯ-КОЗАКІЯ

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	отделнаго номера
Во Франции	20 фр.	35 фр.	4 фр.
В Чехословакии	30 к. ч.	50 к. ч.	5 к. ч.
В Болгарии	75 лева	150 лева	12 лева
В Румынии	80 лей	160 лей	12 лей
В Польше	8 зл.	15 зл.	1 зл.
В Германии	3 р. м.	5 р. м.	50 пф.
В С. Америке и др. странах	1·50 долл.	3 долл.	0·20 долл.